

КАК
Я РЕШИЛА
УМЕРЕТЬ
ОТ СЧАСТЬЯ

ИЗЯЩНЫЙ И ДЕРЗКИЙ РОМАН
В ДУХЕ «ДНЕВНИКА БРИДЖИТ ДЖОНС»

AMAZON

СОФИ ДЕ ВИЛЬНУАЗИ

Софи де Вильнуази

**КАК Я РЕШИЛА УМЕРЕТЬ ОТ
СЧАСТЬЯ**

Посвящается...

Матье, он знает.

Ангюсу и Шин, нашим сокровищам, Валери, которая не узнает себя здесь, Мари, моей лучшей болельщице, которая поддерживает меня во всем.

Эрве, моему пропавшему брату, который всегда со мной.

И наконец Татьяне де Ронэ, доброй фее этой книги.

И еще незнакомцу с набережной Сены, без которого я никогда бы не решилась броситься в воду. Спасибо ему.

1

Папа умер ранним утром. Лишь только зазвонил телефон, я сразу поняла, что это из больницы, и взять трубку не смогла. А зачем? И так ясно было, что они мне скажут: «Ваш отец скончался сегодня, он умер без мучений». Вот я и сирота. Впрочем, сорокапятилетних сирот никому особенно не жалко. Мне так же одиноко, как и юным сироткам, но их могут удочерить, а меня в сорок пять — вряд ли. Я просроченный товар. Вышел мой срок заводить детей, да и мужчину заводить, пожалуй, поздно.

Если бы пришлось сменить статус в Фейсбуке, написала бы, что я отныне ничья дочь. Да вдобавок ничья жена и мать. Я — просто я. Но кто же я такая?

Кто ты, Сильви Шабер?

Эмоциональная дамочка, это уж точно. В похоронном бюро я была, прямо скажем, не на высоте. Все время плакала, лепетала что-то, пускала носом пузыри. Господин агент, такой важный в своих очочках и подобающе темном костюме, наблюдал за мной с непроницаемым выражением лица. У него-то как раз удачный день: для начала мне пришлось купить новый участок на кладбище, потому что в маминой могиле места нет, а потом я вдруг ему заявляю:

— Куплю-ка заодно еще один, для себя.

Вот тут его профессиональная маска дает легкую трещину.

— Не смотрите вы так, — говорю. — У меня нет ни мужа, ни детей, я совсем одна. Некому будет позаботиться о моем загробном благополучии.

— К чему такие мысли, мадемуазель, вы еще молоды, а жизнь полна сюрпризов!

— Да бросьте, — отвечаю я, сморкаясь, — если мне не удалось выскочить замуж в двадцать лет, в сорок пять или шестьдесят и подавно не светит.

Молчит. А молчание — знак согласия.

Достаю чековую книжку. Таких дорогих подарков я себе, любимой, еще не делала. Одни балуют себя украшениями, сеансами талассотерапии или круизами, а другие — могилками. Самый что ни на есть персональный подарок, жаль, нельзя его красиво завернуть.

Вышла я оттуда разбитая, потерянная и обедневшая почти на четыре тысячи евро! Зато приобрела уютное жильё глубиной в шесть футов, с

чудесным видом на земляных червей. Лучше бы отправилась в круиз до Коста-Бравы и, если бы очень повезло, утонула где-нибудь в Сицилийском море. В этом хоть был бы своеобразный шик. Но мне не везет, и шикавать я не умею.

Даже с виду я — ни то ни се. Из зеркала на меня глядит настоящая швабра с копной сухих черных волос. И этих волос у меня столько, что даже онкология с ними бы не справилась. Я ухитрилась родиться плоской сутулой брюнеткой в наш век, когда мужчины любят пышных блондинок. Я проклята. Обречена на всеобщее безразличие. Не настолько уродлива, чтоб меня жалели, и не настолько хороша, чтоб меня желали. Я безлика, тускла, незаметна, страшновата и серовата — короче, ни один пенис не встанет на меня.

Все болит, я разбита и смята, как велик, угодивший под колеса мусоровоза. Меня порядком вымотали эти несколько недель, проведенные между работой и больницей, между моим серым ковром и стерильным линолеумом. Но теперь все позади, папы нет, и я могу, как говорят друзья, вернуться к нормальной жизни. Назад, к моим сладостным вечерам у телевизора! Суши, потом суп или тушеное мясо, потом йогурт, и спать!

Ну, что еще рассказать о себе? Я неплохо исполнила роль самоотверженной дочери у постели больного папы. Был какой-то смысл в моей жизни — пусть жалкой, но не лишенной приятного «любования». Я целиком посвятила себя отцу. Все вокруг волновались, не слишком ли я устала: «Ты отдыхаешь хоть иногда? Побереги себя, так нельзя, ты совсем в отце растворилась!»

Теперь я поблекшая одиночка на пороге климакса, и мне больше некому себя посвящать. И никто не спросит: «Ты занимаешься сексом хоть иногда? Без этого нельзя, ты совсем в себе замкнулась!»

Какая же я одинокая! Одинокая, никем не понятая. И убогая.

— Завела бы собаку, — предложила мне Вероник. — Ты ее полюбишь, и вообще, рядом будет кто-то живой.

А почему не крысу? Я непременно ее полюблю, живая же. Таким, как я, любая живность будет отличной компанией.

— Или, может, ребеночка усыновишь? Какого-нибудь из Африки. Больных СПИДом теперь отдают даже незамужним. Появятся новые заботы, это тебя отвлечет...

— И опять же, кто-то живой рядом, да? — подхватила я. Она не уловила сарказма.

Вероник как никто умеет меня утешить. При всей моей любви к ней достаточно мне провести в ее обществе несколько часов и уже хочется

прыгнуть под поезд. Что на самом деле не такая нелепая мысль. Она все чаще приходит мне в голову и гнездится там, в уголке, словно маленькая грелка — теплая и ободряющая. Конечно, я не испытываю безумного желания броситься на рельсы в метро, этот путь не для трусих и неженков вроде меня. К тому же с моим-то везением я могу уцелеть и под поездом! Разве что останусь без ног и поползу по жизни дальше. Я просто не умею добиваться своего.

Зато проглотить снотворного побольше и улечься в кровать... почему бы и нет? Очень заманчиво.

Порой мне кажется, что я уже умерла. Внутри пустота. Тело шевелится, сердце бьется, а душа улетучилась. Как будто я выключила лампу или выбило пробки — и свет в глазах потух. Рак-отшельник покинул свою раковину. Чем притворяться живой, лучше и не жить. Узнав, что мне в наследство досталось пятьсот тысяч евро, я не испытала абсолютно ничего. Впрочем, нет, не совсем так. Мне стало еще тяжелее. Куча денег копилась на протяжении целой жизни, но какая это была жизнь? Мои родители могли быть счастливы, могли путешествовать, ездить в отпуск на море или в пустыню, в Китай, в Монголию, в Тунис и в Хорватию, кататься на воздушном шаре, на верблюде или на лыжах. Могли смаковать деликатесы, купаться в цветах, проводить выходные на природе или вдруг срываться из дома в воскресенье, потому что захотелось им на солнышке пообедать мидиями в сливочном соусе. Но папа вместо этого экономил, день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем, год за годом. Как каторжане подсыпают по кучке камней в свою гору булыжников, так копил деньги мой отец. Что сказать — мне от этого просто дурно. Нет никакого желания ни тратить деньги, ни даже радоваться им. Говорят, деньги не пахнут, но это неправда. От папиных денег несет плесенью. Затхлый и грустный запах. Он не будит мечты, не приносит никакой надежды. Возможно, Вероник права и мне стоит сходить к психоаналитику. Вот она обрадуется! Ну, или, по крайней мере, перестанет присылать мне объявления с фотографиями брошенных собак, все худее и плешивее с каждым разом. Можно подумать, я намного счастливее их.

2

Я просыпаюсь. На дворе чудесный октябрьский денек. Разумеется, это воскресенье будет таким же одиноким, как и остальные. Почти все вокруг страдают от так называемой «воскресной хандры»: им жаль, что выходные кончаются, им охота понежиться подольше, как цыплятам в скорлупе, им не хватило веселого смеха, семейных прогулок, объятий под одеялом и посиделок с друзьями. А я жду не дождусь понедельника, чтобы выплыть из этой глухой тишины. Но нынче такая хорошая погода и так редки в Париже солнечные дни, что я не могу сдерживать улыбку. И даже решаюсь выйти подышать воздухом. Погуляю немного по набережным, а то и в кино схожу, отчего бы нет? Когда живешь одна, очень важно составлять себе четкий план, даже такой вот банальный. По пути куплю круассан и избавлю себя от глупой церемонии погружения одной тарелки и одной чашки в посудомоечную машину. Мне ведь ее целую неделю надо наполнять, да и то я жульничаю — запускаю полупустой.

И вот бреду я вдоль канала, среди таких же отдыхающих: одни отдыхают от рабочей недели, другие — от своих младенцев, которые утомнились наконец и сопят в своих колясках, хорошенько укутанные. Народа у Сены не так много, можно не спешить и даже замереть на солнце, погреться минут пять. Небольшая светотерапия мне не повредит... Но внезапно раздается крик. Кричит девушка, показывая пальцем на воду. Что такое, истеричка уронила в реку кошелек? Нет, судя по ужасу в ее воплях, дело куда серьезнее. И тут я вижу в волнах темный силуэт. Тело безвольно дрейфует спиной вверх — словно бревно, только это не бревно, а человек. Люди на набережной кудахчут, что твои куры. Девушка продолжает вопить в пустоту и мечется с телефоном в руке, вокруг нее уже собралась маленькая толпа и поддержала ее крики, а я гляжу на них, тоже хочу закричать, а не могу издать ни звука. Будто мне горло пробкой заткнули. Так и застыла с разинутым ртом, ни дать ни взять рыба в аквариуме. Меня прямо парализовало. Внутри все дрожит, сердце бешено колотится, но пошевелиться я не в силах, как под местным наркозом. А между тем в канале плавает самое настоящее тело. Эта бездвижная фигура, поплавок из плоти и крови, завораживает меня. Она кажется такой тихой, спокойной, едва ли не умиротворенной. И вдруг та самая девушка без предупреждения прыгает в воду. В шесть гребков она доплывает до утопленника,

переворачивает его, он не реагирует... Мертв? Подхожу к толпе, какой-то мужчина уже вытягивает тело на берег, девушку тянут вслед за ним. Она дрожит в мокрой одежде, а я, сама не знаю, зачем, задаю ей дурацкий вопрос:

— Вы спасатель?

— Да что вы! — отвечает она, стуча зубами. — Со мной такое в первый раз.

И сама, похоже, себе удивляется. Лежащего на земле мужчину энергично трясут, в ритме этой тряски он раз за разом выплевывает воду, начиная постепенно приходить в себя.

Тогда маленькая толпа дружно аплодирует героине: «Браво! Какая вы молодец! И какое счастье, что вы тут оказались!» Люди радуются этой победе над смертью, ведь не будь здесь этой девушки, он бы так и погиб в нескольких метрах от нас. А в мою потрясенную голову неожиданно приходит мысль: почему никто не аплодирует утопленнику? Мне бы его храбрость, я тоже бросилась бы в воду. Я, как и он, хочу умереть. Эта мысль стала для меня озарением, прозрением и огромным облегчением. Я. Хочу. Умереть. По-настоящему. И не через пять-десять лет, а сейчас.

Я поворачиваю к дому, не приходя в себя от шока. В голове бурлит. Да, я хочу умереть, но надо бы сперва обсудить это с кем-нибудь. Только не с Вероник, иначе наш разговор рискует стать последним не для меня, а для нее. Однако она моя самая близкая подруга, и я не представляю, кому еще могла бы довериться. Я жажду смерти и хочу об этом рассказать, облегчить душу. Хочу, чтобы меня услышали и поддержали в моем правильном решении.

Дома открываю справочник. Как же подобрать нужного специалиста? К кому идут в таких случаях? Есть масса вариантов — психотерапевты, психиатры, психоаналитики, психологи... есть даже зоопсихологи, но это уж чересчур. Передо мной открывается целый мир разнообразных терапий, и я теряюсь. Ладно, будем выбирать по имени и адресу. Сначала отмечаем женщин: для последнего разговора по душам я предпочту все-таки мужскую душу. Вот, как раз есть психоаналитик подходящего пола совсем недалеко от меня. Франк Маршан. А что, Франк — это неплохо. Ребенком я даже в одного Франка была влюблена. Пусть будет Франк!

3

— Чем я могу вам помочь, Сильви?

Франк сидит, скрестив ноги в черных джинсах, и смотрит мне в глаза. Рубашка-поло облегает его мускулы чуть плотнее, чем следовало бы: видно, он гордится своим телом. И не зря. К тому же он сохранил приличную шевелюру для его лет, а ведь по нынешним временам пышноволосый мужчина — очень редкая особь, на грани исчезновения. Приятно, что у моего психотерапевта такие шелковистые волосы. Он явно заботится о них; надеюсь, и мне перепадет хоть малая толика такой заботы. Его очки в черепаховой оправе как-то успокаивают, ставят некий барьер между мной и его сексуальностью. Поэтому лежать рядом с ним скорее приятно, чем волнительно. То есть не рядом, конечно, а перед ним — на кушетке.

— Если честно, то особенно ничем.

— Хорошо, тогда зачем вы пришли?

— Видите ли, я собралась покончить с собой. Вот и пришла, ну, знаете... просто чтобы кто-то...

— ...чтобы кто-то вас поддержал?

— Именно.

Он улыбается, словно мы болтаем о пустяках. Не знаю, может, психологов специально учат сохранять спокойствие в любых ситуациях, но ясно, что этот — настоящий профи. Удачно я к нему зашла. Гляжу на него и думаю, что не лечить меня надо, а вздрючить хорошенько. И сразу все пройдет.

— Давно вы задумались о самоубийстве?

— Наверное, я всю жизнь вынашивала эту мысль. Но недавно мне было нечто вроде откровения.

— Что вы подразумеваете под откровением?

— Нет, не пугайтесь, я не говорила с Пресвятой Девой, у меня не было галлюцинаций, просто что-то в голове перещелкнуло. Я стала свидетелем одного события, не буду вдаваться в детали, скажу только, что получила хорошую встряску, и с тех пор мне гораздо легче. Как будто я наконец выход нашла.

— Ну, я вижу, сомнений у вас нет. Когда вы намерены перейти к действию?

— Я еще не назначила точную дату, но рождественские праздники вполне подошли бы.

— Вам так ненавистно Рождество?

— Я всегда была одна. У меня нет ни мужа, ни детей, ни сестер, ни братьев, мама умерла четыре года назад, и вот уже несколько недель со мной нет папы. Я устала от одиночества. Так что Рождество — не самый любимый мой праздник, да.

— Вы работаете?

— Да, юристом в одной фирме.

— Хорошо. Вам это нравится?

— Не знаю. Никогда не задавалась таким вопросом.

— Но вы можете сказать, что работа хоть как-то стимулирует вас?

— Она довольно рутинная, техническая, но в целом — да. Скажем так, она мне подходит.

— У вас есть друзья, коллеги?

— Друзья есть, хоть и немного. Но они мне советуют собаку завести, вы представляете? Они просто не понимают. Никто не понимает вообще. Я хочу умереть, вот и все.

— Мы все умрем рано или поздно.

До чего же он сексуально склоняет голову набок! У него уже пробивается седина, но ему идет. Несправедливо: он примерно моих лет, и то, что старит меня, его делает еще более соблазнительным. В его морщинках море обаяния, в моих — лишь тоска. Его седые волосы подчеркивают синеву глаз, мои отросшие корни выдают возраст. У него мускулы, у меня анемия. Мужчиной я была бы сейчас в самом соку. Но вот беда — я всего лишь женщина.

— Конечно, умрем, но я хочу сама выбрать, когда и как. Вот это меня и привлекает в самоубийстве: я решаю сама. Боюсь, я не так уж много решений приняла в жизни и хочу, по крайней мере, распорядиться своей смертью. Пусть это абсурдная мысль, но она меня согревает.

— Что ж, тогда, может, запланируем ваше самоубийство на двадцать пятое декабря?

— Ну... да, двадцать пятое годится.

— Время?

— Ох... не знаю... Хороший вопрос. Я даже и не задумывалась. Пожалуй, после обеда, чтобы завершить земной путь на вкусной нотке, как по-вашему?

— В два часа дня? Или в четыре?

— Скажем, где-то между половиной третьего и половиной пятого.

— Хорошо. У нас остается чуть более двух месяцев. Я вам предлагаю с этого момента навещать меня раз в неделю, и двадцать пятого декабря, если все пойдет по плану, между половиной третьего и половиной пятого вы покончите с собой. Ну как, устроит вас такой план, Сильви?

И глядит на меня безо всякого смущения, будто назначает какую-нибудь колonosкопию.

— Ладно, договорились. Хотя, вы уж простите, я несколько удивлена...

— Чем же? — Он снова склоняет голову набок.

— Вы и не пытались меня отговорить. А как же статья за оставление в опасности и все такое?

— С чего бы мне вас отговаривать? Вы разве чувствуете какую-то опасность?

— Отнюдь.

— И вы хотите умереть, не так ли?

— Хочу.

— Значит, решено. А раз так, хорошо бы вам, пока есть время, побольше узнать о себе. Итак, вы будете выполнять по одному домашнему заданию перед каждой встречей со мной. Терять-то вам все равно нечего, да, Сильви? На этой неделе вы должны совершить что-нибудь необычное, что вам не свойственно — абсолютно не в вашем духе. Вот вы, например, стеснительны?

— Крайне.

— Тогда сделайте то, что вгонит вас в краску.

— Чего же вы от меня хотите? Чтоб я вышла голой погулять?

— Лично я ничего не хочу, решать вам. До встречи через неделю, Сильви.

Он вежливо, с улыбкой, выставляет меня за дверь.

Сказать по правде, я немало ошарашена. Совсем не такого ожидала. Впрочем, я вообще не знала, чего ждать, но уж этого точно не могла себе представить. Получилось как-то неинтересно даже. Ну, значит, двадцать пятое декабря. А я-то все переживала, что мне опять нечем будет заняться на Рождество. Не пора ли заказывать памятник у моего похоронного агента?

«Здесь покоится Сильви Шабер. 22 января 1970-25 декабря 2015 (между 14:30 и 16:30)».

Меня пробирает дрожь. Надеюсь, это не вирус. Ненавижу болеть!

4

Призадумалась я о том, что могло бы стать самым страшным ударом по стыдливости, и тут же невольно вспомнила мою ассистентку Лору. Она из тех женщин без комплексов, что весь день напролет рапортуют о своей жизни в мельчайших подробностях: тут и газы в кишечнике мужа, и последний выпуск телешоу «Голос», и ее менструальные боли, и менопауза у свекрови — полный набор. Так вот, если не ошибаюсь, чаще всего она трещит о глубокой эпиляции. Любимая тема. По ее словам, это прямо-таки лифт на седьмое небо, не иначе. Между нами, я бы не отказалась на том небе побывать. Хоть один оргазм до двадцать пятого декабря пришелся бы мне очень кстати. Я слышала немало положительных отзывов об оргазмах, но лучше судить по собственному опыту. В любом случае, при том, что я ни разу не делала эпиляцию интимных мест, для меня будет немалым испытанием выставить свою клумбу на обозрение какой-то незнакомой тетки. Да еще и косметолога. Я-то без таблетки успокоительного даже к гинекологу не хожу, а тут — дама, посвятившая себя вырыванию чужих волос и удалению черных точек с чужих лиц... Мне уже дурно. Однако делать нечего: я прилежная ученица и всегда выполняю задания. Ни к чему огорчать Франка, раз уж он пришелся мне по сердцу. Потом, он прав, что я теряю? Ну, увидят мою «кисулю», как ее Лора называет, и ничего страшного. Кисуля! Удивительно, с какой теплотой она относится к этой части своего организма. Или это я такая бесчувственная?...

От страха я перед эпиляцией пропустила два-три «кир рояля» залпом. А поскольку я вообще не пью, тут же окосела, да и пусть. Терять-то мне нечего — вот мой новый девиз! Резко толкнула стеклянную дверь маленького салона красоты и едва не упала внутрь. Все, разумеется, немедленно повернулись посмотреть на перепугавшую их кобылу. Ладно, не получилось по-тихому проскочить.

Меня встречает Синди; так, во всяком случае, гласит ее бэйджик.

— Вам классическую эпиляцию, среднюю или глубокую?

Вот обязательно кричать об этом во все горло? Мы же с ней тут не одни. Какое дело до моих волос арабке, кошелке и бабульке, которая, несомненно, пришла избавляться от усов? Все три сидят в ряд, будто горошины в стручке, на малюсенькой скамеечке и в едином ритме листают старые журналы «Гала».

— Глубокую... — лепечу я.

Уши горят, сердце выпрыгивает — то ли спьяну, то ли со стыда, прожигающего насквозь. Синди приглашает меня втиснуться в рядок горошин. Сажусь, красная, как рак, и сразу утыкаюсь в статью о неизвестной мне старлетке-вегетарианке, страдающей булиимией. Журнал описывает ее пышные пиры с бургулем и цветной капустой. Судя по ее груди на фото, можно точно сказать, что хозяйка оной — чистый продукт телевизионной реальности. То есть абсолютно чуждого мне мира. Статья переносит меня прямиком в мечту о пироге с козьим сыром и шпинатом на ужин... И тут меня зовет Синди:

— Сильви, проходите, располагайтесь поудобнее.

— Мне как, раздеваться догола?

Вижу, соседки по скамье обменялись улыбочками. У меня талант задавать идиотские вопросы.

— Нет, только низ снимайте.

Ну, разумеется, верх-то ей на что? Голова кружится; боюсь, либо в обморок упаду, либо меня вырвет. Наверное, мне стало дурно от этой истории про булимию. И еще от нахального бюста Синди размера 95D. Рядом с ней я чувствую себя дряблой, старой и страшной. Стыдливо стягиваю трусы и комкаю их в правом кулаке, из последних сил стараясь сохранять лицо. И так уже выставила себя на посмешище. Бросив взгляд вниз, на свой лобок, я ощущаю новый укол стыда: что за позорная мочалка! Я раньше не замечала, какая у меня там густая флора, прямо дерево бонсай. Омерзительные черные заросли запущены, как джунгли Амазонки. Хорошо хоть необитаемы. Я прячу глаза от Синди.

— Больно будет?

Мне трудно говорить, «кир рояль» подступает к горлу. Жалкое зрелище.

— Так вы в первый раз? — Кажется, ее это возбуждает.

Я нарвалась на садистку. Она самоутверждается посредством выдиранья волос.

Улыбаюсь, как дура.

— Что ж, не обессудьте. Тут надо много убирать.

Выдавливаю нервный смешок. И как это я забыла, что мне вообще нельзя пить?

— Не переживайте, у вас еще не худший вариант! Сначала будет неприятно, а потом притерпитесь.

— Простите, выпила немного для храбрости... Я такая трусиха!

— Раздвиньте пошире ноги.

Экзекуция пока не началась, а я уже обливаюсь потом. Должна сказать, что так называемая «поза лягушки» страшно неудобна: бедра у меня дрожат от напряжения, приводящие мышцы держатся из последних сил. Девушка, с которой мы еще десять минут назад не были знакомы и у которой нет никакого медицинского диплома, теребит мне половые губы, чтобы почище их ободрать. Я себя чувствую, как кусок говядины на столе мясника. Надо было вусмерть напиться. Во рту сухо, в висках стучит... Не припомню, чтобы хоть один мужчина видел меня когда-либо среди бела дня, раскоряченную под таким углом. Да еще при таком гадостном освещении. Глаза не открываю — лучше не усугублять.

— Аааааай!

Я ору как резаная. Это просто адская боль! Сначала обжигает — кошмар, я же там вся покроюсь волдырями! А стоит жжению чуть стихнуть, девушка сдирает с меня разом целую полосу волос! И, по-моему, вместе с кожей... Нормально — живого человека освежевать?!

Синди весело поглядывает на меня и продолжает мазать горяченным воском. Смейся, палач! Ужас в том, что ей действительно смешно.

Кусаю себе руку, чтоб не переполошить криками весь квартал. Только мазохисты могут такое терпеть без общего наркоза. Подобно ведьме на костре, я в душе проклиная Франка и весь его род до седьмого колена.

— Видите, как хорошо пошло! Подтяните к себе ноги, переходим к анальной области.

Все, больше не выдержу. Меня трясет от хохота. Еще и задний проход надо выставить напоказ! Лежу, будто гигантский младенец на пеленальном столе, разве что анус мой уже не похож на нежную розочку. Что ж, светило психотерапии может мной гордиться: такому унижению я не подвергалась никогда. Главное, все это — ради какого-то дрянного эксперимента, ради испытания на стыдливость, чтоб ее! И ведь надо было остановить выбор именно на глубокой эпиляции! Учитывая, что результат подвига мне абсолютно некому предъявить!

— Ну вот, теперь все гладенько. И не так уж страшно, правда?

Сейчас упаду в обморок.

И упала. А очнувшись, увидела над собой красивого молодого человека и решила, что я наконец-то в лифте на седьмое небо. «Вазовагальный обморок», — сказал врач. Хорошо, что я не купила абонемент в этот салон садо-мазо, на пушечный выстрел к нему не подойду. Да и Синди вряд ли будет рада меня видеть: не лучшая реклама — машина «Скорой помощи» у дверей. В ней-то мне и пришлось одеваться, на радость всей бригаде, которая сегодня пополнила свою коллекцию отличным новым анекдотом.

Они предлагали отвезти меня домой, но я с трудом убедила их этого не делать. Появиться у дома в такой компании будет для меня еще одной пыткой, так что я дошла сама, по стеночке. На душе гадко, внизу все гладко. Ветер свободы поддувал между ног.

Дома я первым делом махнула виски залпом, чтобы хоть немного прийти в себя от всех этих потрясений. А потом начала ржать. Ржала, как пьяная лошадь, и с души словно камень упал. Вот дура-то! Да, ничего не скажешь, испытание стыдливости удалось на славу. Она у меня прошла огонь и воду и даже вышла из берегов. Перестав хохотать, я с любопытством рассмотрела свою покрасневшую промежность, в самом деле, гладкую и нежную, как детская попка. Неожиданно меня это утешило. Будто я повстречала старого друга, с которым не виделась много лет. Выглядит непривычно, но не так уж и плохо. По крайней мере, не омерзительно. Я-то боялась, что буду похожа на тех голых кошек, но нет. Эх, жаль, никто не увидит! Может, сфотографировать и показать Франку как доказательство моего героизма? Нет, идея, мягко говоря, неудачная. Спишем ее на действие алкоголя или преждевременные эротические рефлексии. До чего же я все-таки жалкая...

5

— Вы можете гордиться мной!

Двое суток я сгорала от нетерпения рассказать ему о подвиге века. Неистребимый синдром отличницы, жаждущей заполучить еще одну пятерку в дневник.

— Да, и чем именно?

— Я выполнила ваше задание, испытала свою стыдливость.

— И как?

— На пять! Очень стыдно было.

— Но вам, как я вижу, приятно об этом говорить.

— Да, мне приятно, впервые могу рассказать о себе хоть что-то забавное. Был момент, когда я вас проклинала и ненавидела даже. Для меня это оказалось самым страшным кошмаром — раскорячиться с голым задом в затрапезном салончике. Я даже выпила для храбрости перед походом туда.

— В самом деле?

— Сейчас, когда уже все позади, смешно об этом вспоминать. Еще бы не смешно — такое жалкое зрелище! Им даже пришлось вызвать «Скорую», чтобы привести меня в чувство.

— Вы потеряли сознание?

— Да, выпила «кир рояль» на голодный желудок и чувствовала себя так нелепо с растопыренными в воздухе ногами, что у меня закружилась голова и я отключилась.

— Настоящее приключение!

— Да, все благодаря вам!

— Вы об этом жалеете?

— И да, и нет. Тогда мне было очень плохо, но, оглядываясь назад, я смеюсь сама над собой. Сцена-то просто уморительная, до сих пор не могу поверить, что это была я. Совсем на меня не похоже.

— Так вы и не знали, что можете быть забавной?

— Ну, скажем прямо, это не самый подходящий эпитет для меня.

— Какой же подходит вам больше?

— Даже не знаю. Мне кажется, я довольно скучная. Правильная такая. Бунтарство не в моем характере. С детства я четко выполняла все, что родители велели. Надо было слушаться, соответствовать их ожиданиям и

ни в коем случае не раздражать. Потом надо было хорошо учиться по всем предметам, нравились они мне или нет. Вот сейчас говорю все это и понимаю, что ни разу не сошла с пути, на который они меня поставили. Когда я была еще маленькой, отец повесил над моей дверью плетку. Он ею так и не воспользовался, но один ее вид до смерти меня пугал. Просто пройти под ней уже было немалым испытанием, и я из кожи вон лезла, чтобы отцу не пришлось ее оттуда снять. Так и стала отличницей, лишь бы понравиться родителям. И плетка не понадобилась, я всегда знала, как надо поступать. Они постоянно твердили, что нужно хорошо учиться, потом найти хорошую работу, но никогда — о том, что нужно быть счастливой, веселиться и находить друзей. Похоже, мои родители сами не знали счастья. Не уверена, что у меня было счастливое детство. Или хоть один счастливый день.

— Ваших родителей больше нет.

Жаль, что в стоимость сеанса не входит простая ласка. Больше всего на свете я бы сейчас хотела, чтобы он покрепче обнял меня своими мускулистыми руками, и я бы тогда ощутила, что еще жива.

— Да, их нет, и я растерялась. Мне сорок пять лет, а я чувствую себя старенькой девочкой, которую забыли в магазине.

— А какой женщиной вы себя чувствуете?

— Ну... если б не боялась показаться вульгарной, сказала бы, что на таких женщин, как я, у мужчин не встает.

— Прямо ни разу? Ни у кого не вставал на вас?

Я покрываюсь краской.

— Нет, не то чтоб совсем ни у кого... Мне очень неловко, я напрасно употребила это выражение.

— Вас смущает тема эрекции? Но ведь это нормальное явление: если женщина нравится мужчине, у него встает пенис. Это можно считать лучшим комплиментом, — уверяет тот, у кого на меня не встанет никогда.

— Не сомневаюсь.

— И все же вас это смущает. Вам непривычна такая прямота?

— Именно! — Он считает меня старой девой. — Хотя у меня тоже были романы, вы не подумайте...

— Я ничего и не думаю, Сильви, я слушаю вас.

Он безумно сексуален.

— Хорошо, давайте на сегодня закончим, но я дам вам новое задание.

Молодец, быстро сообразил, что прилежная ученица не станет увиливать от заданий.

— Насколько я понял, вы послушный человек и никогда не нарушаете

правил. Так вот, я вас прошу совершить какой-нибудь неприемлемый и наказуемый поступок.

— О господи, что вы меня заставите делать на сей раз?

— Я? Ничего, только вам решать. До встречи через неделю, Сильви!

Понятно, иди отсюда и выпутывайся как хочешь. А я ни разу в жизни не проехала «зайцем», ничего не стащила, никого не обогнала и даже на желтый свет не проехала! Воплощенное благоразумие. Ну вот какое преступление мне совершить?

Кажется, я всегда мечтала украсть что-нибудь в магазине. Мои подруги детства вовсю подрезали помады, игрушки, конфеты, а порой и шмотки! И потом хвастались своими трофеями, жутко гордясь собой и радуясь, что сумели так легко всех обдурить. Они были просто в эйфории после мощного выброса адреналина. А я восхищалась ими. И даже не пыталась представить себя на их месте — столь невозможно дерзкими казались их поступки. Не было у меня и сотой доли их уверенности и отваги, чтобы совершенно безнаказанно обманывать взрослых. Я бы точно попалась: не могла бы сдвинуться с места от страха, вот и все. Или нет, не все, могла бы еще описаться. Да вообще, я буквально умерла бы со стыда, не успев даже увидеть разгневанные лица родителей. И папину плетку.

Но, в самом деле, родителей уже нет на свете. А мне далеко не восемь, и я вроде бы научилась контролировать работу мочевого пузыря. В крайнем случае, можно ведь сослаться на рассеянность и заплатить, правда? Как велик соблазн! Вряд ли бывает что-то хуже глубокой эпиляции. Может, попробовать? Может, я до этого наконец доросла? И главное, в сотый раз повторю, мне осталось-то всего полтора месяца.

Терять нечего, порадовать Франка хочется, так что я решила проявить чудеса отваги и обокрасть не какой-нибудь магазин «Монопри», а соседний, в который постоянно хожу. Знай наших!

Приду вроде как за продуктами и что-нибудь сопру. Пока не знаю что — пусть лучше инстинкт подскажет. Я, как хищник, наброшусь на самую доступную добычу — любую пачку жвачки или коробочку «Тик-Така», что попадется на моем пути. Меня трясет заранее. Все-таки первый раз.

Ладно, это все пока теория, до практики еще нужно дойти. Что касается инстинкта, он велит мне без промедления забыть всю эту клоунаду и садиста-психотерапевта, который подавляет меня и мнет, как глину (о да, Франк, сомни меня!). Вот так же маленьким девочкам доставляет удовольствие кромсать ножницами свои куклы. Потому что унижение в паршивом салоне красоты — это еще куда ни шло, но опасность ареста — совсем другое! Сорок пять лет мне удавалось не привлекать внимания

соседей, и ради чего, чтобы перед самой смертью клептоманкой прослыть? Это станет моим новым кошмаром...

В детстве меня мучил другой: будто я вдруг оказалась посреди школьного двора абсолютно голой. Ребята меня окружали, показывали пальцами и ржали при виде моей маленькой попки, дрожащей от страха и холода, как желе. А я, бедная малютка, плакала, безуспешно пытаюсь прикрыться худыми ручонками. И чем больше редела, тем сильнее дрожала попка и тем громче был хохот вокруг. Я просыпалась в холодном поту. Так вот, нынешний мой кошмар не слишком отличается от прежнего. Кровь стынет в жилах от мысли, что охранники магазина поймают меня и будут обыскивать при всех (нет ли здесь эротического подтекста?). Вместо школьников теперь на меня глазеют покупатели: тычут пальцами, называют убогой, чокнутой и бесстыжей, какую не отмоешь и «Керхером». Их дети смеются мне вслед, когда меня уводят в наручниках — смущенную, раздавленную, оплеванную и осмеянную завсегдатаями «Монопри». Я пройду крестный путь, словно Доминик Стросс-Кан, только в моем скандале не будет ничего сексуального. Пора бы задуматься: а не выдает ли этот фильм-катастрофа у меня в голове подспудную жажду оказаться в центре внимания? При том, что я центрального положения нигде никогда не занимала.

Людей, вроде меня, бесцветных и невзрачных, обычно не замечают. Так что если я не заявлюсь туда в наряде активистки «Фемен», у меня будут все шансы выйти сухой из воды. Люблю находить в своих недостатках достоинства. Сейчас мне надо поглубже вдохнуть, как боксеру перед выходом на ринг, и подготовиться к битве с самой собой. Я не воровка, я всего лишь самоубийца, которая хочет определить меру своих возможностей. И это просто упражнение, практический эксперимент в рамках когнитивной психотерапии. Я глина в руках безумно сексуального садиста, я жертва психологической девиации. И никто, тем более какой-то недалекий охранник супермаркета, не помешает мне раскрыть мое Глубинное Я!

6

Ох, мамочки! Я пойду на это. Прерву сорокапятилетний стаж примерного поведения. Все, иду. Надеваю плащ и вперед. Главное, чтобы мысли не сковали мне тело. Прогнать их вон из головы и двигаться на автомате. Ну вот, я пошла. Только захлопнула за собой дверь, как тут же ладони вспотели, сердце заколотилось, и, кажется, я сейчас взорвусь. Интересно, как настоящие грабители успокаивают нервы? Я так скучно живу, что даже самое простенькое нарушение закона (тоже мне, подвиг — конфету стащить, с этим и младенец управится, не вылезая из коляски!) повергает меня в смятение. Я при одной мысли о правонарушении дрожу от ужаса как осиновый листочек.

Неведомая сила парализует мне ноги, но безумным напряжением воли я заставляю себя доползти до «Монопри». А дальше плыву в потоке своего страха. Опускаю голову, делаю вид, будто очень спешу, и, как всегда, прохожу в магазин, никем не замеченная. Полусонный охранник даже головы не повернул. Надо пройтись по моим любимым отделам, чтобы прийти в себя. Полки с чаем всегда действуют на меня эйфорически. Люблю подолгу разглядывать их. Есть сорта чая, которые словно уносят в далекое путешествие: аромат, яркие цвета упаковок и тонкие причудливые буквы на них завораживают, словно картонные миражи, приманки для туристов. В этом отделе меня слегка отпускает, но не настолько, чтобы я позабыла о цели визита. Глубокий вдох. Для укрепления духа воображаю, как в Рождество выпью большой стакан воды с нужной дозой снотворного. Конечно, живот и без того у меня будет раздут после праздничного торта, и глотать белые пилюли не доставит особого удовольствия, при моих-то проблемах с желудком, но я все равно сделаю это. Рука не дрогнет, рот не выплюнет, горло не отрыгнет. Затем я надену свой самый красивый купальник, погружусь в ванну и спокойно усну в теплой пене, испустив последний счастливый вздох, чтобы уже не проснуться. Эта пленительная картина придает мне мужества. Раз уж не боишься умирать, прекрати бояться жить. Хоть ненадолго. За очередной порцией вдохновения направляюсь в отдел банных принадлежностей. Не хочу умирать в облаке дешевых искусственных запахов апельсина или персика, мне нужен мягкий и успокоительный аромат для последнего пути. Мадагаскарская ваниль, например. Но хватит мечтать: прежде чем вновь потревожить бригаду

«Скорой помощи», я должна выполнить все задания. Давай, Сильви! Тебе это по плечу!

Осторожно поглядываю вправо-влево. Никого. Спокойной и расслабленной, как гитарная струна, рукой я беру флакончик пены «Бурбонская ваниль» и кладу в правый карман — он падает тяжелым грузом, оттягивая подкладку. Весит, по-моему, не меньше тонны и заметно деформирует прямой покрой плаща. От каждого его удара по бедру мне становится нехорошо. Такая легкая пытка. В искупление наполняю корзину самыми дорогими товарами: биокрем против морщин, антипригарная сковорода, четырехслойная туалетная бумага и в дополнение к ней, на всякий случай, сверхмощное средство для прочистки труб. Будь у меня еще место в корзине, я бы засунула туда и тостер, и электрическую кофеварку — лишь бы загладить свою вину перед богом торговли. Отпусти мне мой грех, «Монопри». За деньги, в которые мне обойдется вся эта дребедень, я бы могла купить целый склад бурбонской ванили, но у меня другая задача.

Задача такова: пройти на кассу и не описаться. И еще как-то удержаться на ватных ногах. С ужасом представляю, как меня скрутят и повалят на пол, вслед за флакончиком пены, случайно выпавшим из кармана. Нет, ни в коем случае нельзя так глупо вляпаться. Неуверенным шагом приближаюсь к кассам. Надо прийти в себя. Глубокий вдох — и, отбросив сомнения, я ныряю в алкогольный отдел. Здесь слишком людно, поэтому, быстро цапнув бутылку водки, снова укрываюсь в тихом оазисе туалетной бумаги. Вот черт, никогда я не сумею открыть эту бутылку, у нее крышка с защитой от воров. Однако чем-то же нужно успокоить нервы... Дыши, думай. Идея! С громким стуком ставлю водку среди освежителей воздуха и убегаю в отдел чистящих средств. Не знаю, поможет ли, но пришла пора принять решительные меры. Хватаю банку допотопного пчелиного воска для чистки паркета, с грехом пополам открываю и вдыхаю полной грудью, чтобы в голову ударило. Кто-то нюхает клей или попперсы, а я — пчелиный воск. И что такого? Главное — забыть о флаконе, который хлопает меня по бедру. Я окунаюсь в любимый запах начищенного паркета, делаю еще один вдох, считаю до трех и лечу на кассу, опустив голову. А там понимаю, что мои фокусы пробудили дремавшего охранника. Он взял меня на заметку. Я начинаю задыхаться, струйки пота бегут под плащом. Мой впечатлительный мозг парализован страхом, и все извилины разом переходят в спящий режим. Зато в животе настоящая буря — ну точно, обделаюсь.

— Мадам! Мадам!

Я притворяюсь глухой. Только намертво сведенные скулы мешают мне покаянно завопить: «Простите! Простите меня, я тут ни при чем, я не хотела!» — но тело уже почти готово рухнуть наземь, чтобы упростить процесс моего задержания.

— Мадам! Минутку, мадам!

Он касается моего плеча, и я в панике чуть не роняю корзину.

— Да?

Ничего не слышу, будто рой пчел жужжит в каждом ухе и меня сейчас хватит удар.

— Вы его берете?

— Что-что? Извините, не слышу, в ушах звенит.

Я и так умираю от страха, а его африканский акцент пугает еще сильнее.

— Вы открыли банку с воском, придется ее купить!

— Что?

— Вы не поняли, что я сказал? Вам придется купить этот воск, раз вы его открыли!

— Да? Ох, простите! Он, видно, выпал у меня из корзины. Спасибо, всего доброго!

Чуть не плача, вырываю банку у него из рук и спешу на кассу. Посильнее сжимаю ягодички: похоже, четырехслойная бумага пригодится мне раньше, чем я думала.

У кассы надеваю темные очки, уже не боясь удивить окружающих. Стараюсь не думать о флаконе с пеной, который буквально обжигает мне бедро. А тут еще и кишки перекручиваются. Тяжело выдыхаю от боли.

— Наша карта есть?

— Да, но нет!

— То есть?

— Я очень спешу, мне надо скорей домой!

Кассирша-индианка невозмутимо глядит на меня.

— По карте «Монопри» у вас будет тридцать процентов скидки на некоторые товары. Вы хорошо сэкономите. Особенно на воске и сковороде.

— Да мне плевать! Плохо мне, понимаете? У меня живот болит, у меня понос, я хочу домой!

А она выдает мне улыбку во все тридцать два зуба, как в награду за славный анекдот. Одни покупатели поглядывают на меня с испугом, будто я напугала им под нос, другие хихикают, тактично отвернувшись. Поистине голгофа.

— Все-все, ладно! — смеется кассирша.

Сую ей кредитку, одновременно запихивая вещи в пакет и уронив половину на пол. Потом забираю карту и убегаю.

— Мадам, вы же половину покупок забыли!

— Неважно! — ору я, не оборачиваясь.

Выскакиваю наружу, с жадностью хватаю ртом воздух и устремляюсь к дому бегом. Только бы не нагадить в лифте, он еще никогда не ехал так медленно! Стараюсь не разжимать ягодицы и дышать ровно, глубоко, чтобы успокоить кишечную бурю. Вот так, со стиснутой задницей, я нервно копошусь ключом в замке, а пакеты бросаю у двери, огласив дом адским грохотом, но тем лучше, если он сумел заглушить мой трубный пук. Дверь наконец поддается, чтобы впустить меня и с треском захлопнуться за моей спиной. Сфинктер держится из последних сил, пока я раздеваюсь. И, о счастье — сесть на лучший в мире трон, испустить сладостный вздох и освободить организм, переполненный эмоциями! Ноги дрожат, живот извергается Ниагарским водопадом, невыносимая вонь заполняет весь туалет. Это запах моего страха. Сжав голову руками, я начинаю понимать, что меру позорного задержания в магазине исхитрилась заменить еще большим позором и сбежать под самым курьезным предлогом из всех, что могли прийти в голову. Ирония судьбы! Сходила, видите ли, на дело. Половину покупок там оставила. Смех и слезы душат меня. Смеюсь, потому что последние минуты оказались самыми яркими в моей жизни... но довольно-таки бесславными — оттого и плачу. А еще оттого, что мне отныне заказан путь в любимый магазин. Придется все покупать по Интернету.

Проветрив хорошенько туалет и приняв душ, я позволила себе вздремнуть, чтобы потом на свежую голову подвести неутешительные итоги личностного роста. А оно, надо сказать, не наблюдается. Как была, так и осталась забитой трусливой девочкой, годы ничего не изменили. Впрочем, одно открытие мне сделать удалось: я еще глупее, чем думала.

7

— Добрый день, Сильви.

— Здравствуйте, доктор.

— Доктор? Я психотерапевт, и вы можете звать меня просто Франком.

А меня вот совсем не тянет называть его Франком. Мы с ним не друзья, тем более не любовники, и не то чтобы очень близки. Он просто мой доктор.

— Как прошла неделя?

— Ну как, ничего.

— Расскажите.

— Не уверена, что хочу и дальше познавать себя.

— Почему же это?

— Потому что я не узнаю ничего хорошего. Еще проверка на стыд оказалась, по крайней мере, забавной. Но то, что вы заставили меня сделать сейчас, было противно и очень унижительно.

— Но я ни к чему вас не принуждал, Сильви! Всего лишь предложил выйти за грань, за рамки ваших семейных устоев. Что в этом было такого унижительного?

— Все! Конечно, вы не заставляли меня воровать в магазинах, но я решила выполнить ваше задание именно так. Ведь вы же велели сделать что-нибудь недопустимое? Ну вот! И я потерпела полный крах!

— Что значит — крах?

— Это значит, что я буквально наложила в штаны — уж простите мне грубое выражение, но иначе не скажешь. Везде облажалась! На кассе устроила цирк, сама себя сделала посмешищем в магазине, куда хожу всю жизнь. Я была в панике, впервые такого страха натерпелась, и ради чего? Чтобы вынести в кармане флакон с пеной для ванны! Ну, довольны теперь?

— Я не доволен и не огорчен, а вот вы, кажется, рассержены.

— Еще бы не рассержена, да я взбешена! Бешусь оттого, что я вас послушалась и опять села в лужу, оттого, что я такая предсказуемая и не годная ни к чему! И вообще, не нужны мне все эти упражнения, и без них ясно, кто я есть — старая бездарная жопа!

Я вне себя. Так и хочется швырнуть ему в лицо вон те поганые африканские фигурки. Дико бесят их грубые морды, напоминают охранника, который меня напугал. Не пойму, с чего это все нынче

посходили с ума от африканского искусства? Уродство какое-то.

— И если уж совсем откровенно, думаю, мои родители сразу поняли, что я ничего из себя не представляю, ни ума нет, ни обаяния, и большое будущее мне не светит, и лучше всего для меня идти потихонечку прямой дорожкой, без шума и пыли...

— Значит, вы теперь скорее благодарны родителям?

— Не знаю, ничего уже не знаю! Мне просто не нравится то, что я вижу. И я не до такой степени мазохистка, чтобы продолжать эти сеансы унижения. Хватит с меня!

— Что ж, это ваше право, Сильви. Повторяю: я ничего вам не навязываю. Вы сами бросили себе такой вызов, сами выбрали его. Мне жаль, что это столь болезненно. Не знаю, утешат ли вас мои слова, но, думаю, прогресс очевиден. Вы не подавляете всплески эмоций, вы кипите гневом и не скрываете его, как раньше. Вы зажили более полной жизнью. И это же неплохо, правда?

— Вы так думаете?

— Да. А вот чем теперь унять вашу ярость? Что бы вам хотелось сделать больше всего?

— Перепихнуться!

Слово вылетело, как пуля.

— Великолепно! Через неделю расскажете, хорошо?

И провожает меня до двери, страшно довольный собой. Я тупо стою на лестнице. Рассеянно, на автомате застегиваю плащ и с трудом пытаюсь осознать, какая муха меня укусила. Чтобы я да вот так скандалила? И, главное, откуда вырвалось это дикое слово «перепихнуться», я же его не переносу. Я вообще ни разу не перепихивалась. Любовью — да, занималась, пусть не всегда хорошо, но всегда деликатно и нежно. Никогда я не ощущала себя шлюшкой, жаждущей, чтоб ее «разложили» и «трахнули». Этот термин не подходит ни к одной из эротических сцен с моим участием, не настолько они были развратны и жарки. Я не испытывала страсти, которая заставила бы меня потерять разум, задыхаться, стонать и уподобиться животному. Чувство меры, а еще больше — страх показаться смешной диктовали мне иной стиль секса, приличный и благопристойный. Да, я не получала особого удовольствия, зато прическа была в порядке. И теперь немало ошарашена силой своего желания. Вынуждена признаться: я хочу, чтобы кто-нибудь взял меня сзади и отодрал хорошенько. Чтоб он меня тянул за волосы, шлепал по заднице, упирался мне руками в спину и входил поглубже, хочу, чтоб дыхание перехватило, в горле пересохло, тело раскалилось и взмокло, хочу

хриплыми криками выплескивать эту мощную, яростную, упоительную волну наслаждения, от которой все дрожит снаружи и внутри.

Да что со мной такое? Гормональный всплеск? Или просто железа в крови не хватает?

Как мне быть? Как это сделать? Где? Когда? С кем? Чем завлечь мужчину? Как вызвать у него дикое, безумное желание, если волосы сухие, грудь плоская, а тело — вялое и тощее? В сорок пять лет тетка, сексуальная, как камбала, хочет стать первой бомбой на вечеринке. Не лучший план. Тем более что ни на какую вечеринку меня не звали.

Я иду домой, глубоко задумавшись и не чувствуя, как холод режет глаза и щиплет щеки. Осень вступила в свои права, скоро придет зима, город украсят к Рождеству... Дома сразу включаю в прихожей свет, он проникает в гостиную, и меня вдруг поражает тоска, которой веет от моего жилища. Я прозрела, будто после лазерной коррекции. Лампы желтые, тусклые. Паркет жалобно ноет в пустоту. Квартира старая, мрачная, немая и бездушная. На столе не убрано после завтрака — тошно смотреть, я поскорей складываю все в полупустую посудомойку и запускаю ее, чтобы хоть что-то ожило здесь. Потом, дрожа, включаю батарею. Не пора ли мне декорации сменить? Повесить картину-другую, купить новый диван и низкий столик в современном стиле — в общем, добавить в интерьер сексапила. А что, средства есть. Только вот зачем, когда до Рождества осталось два месяца?

Но если мне каким-то чудом удастся привести сюда мужчину, что он подумает о моей стариковской берлоге? А ведь я его приведу не чай пить и не в скраббл играть. Я хочу затащить его в постель, так что придется создать теплую атмосферу. Вот мой папа вечно экономил на всем... Нет, раз уж я раскошелилась на роскошную могилу, значит, могу себе позволить и новую гостиную. Уютную, как вторая кожа. Даже если это всего на два месяца. Тем более, если это всего на два месяца. Ладно, красивый диван подыскать — это мне еще по силам, стоит лишь зайти в магазин, вроде «Абита», «Муджи» или «Конран Шоп». Найти любовника будет потруднее. Магазинов таких нет, иначе я была бы там постоянной покупательницей.

Я задумчиво наблюдаю за яичницей, которая съезживается от жара на новой антипригарной сковородке. Злости во мне больше нет, одна усталость. Хочется позвонить папе, как раньше звонила каждый вечер. Я измотана и одинока.

Свернувшись комочком в постели, под теплым одеялом, я составляю

план. Может, позвать Вероник на «девичник» и попить мохито в каком-нибудь шумном баре девятого или одиннадцатого округа? Кто знает, вдруг за стаканчиком в веселом кабаке и при рассеянном освещении что-нибудь да случится? Только Вероник для съема не лучшая компания. Любовь к собакам потихоньку вытеснила из ее души чувства к мужчинам. Как и я, Вероник задавила в себе сексуальность. Она очень страдала пять лет назад, когда ее муж Жан ушел к молодой инструкторше по йоге, и до сих пор не смирилась до конца. Еще бы, такой удар по ее лишним двадцати килограммам. С тех пор она толстеет все больше, причем говорит, что это в ней копятя очень ценные молекулы, благодаря которым она хоть как-то пережила развод. Но меня молекулами не проведешь, я же вижу, что она поглощает сотни калорий, сама того не замечая. Когда ей ни позвони, неизменно отвечает с набитым ртом. Просто не человек, а грызун, который целыми днями что-то хомячит. И если у белочки или кролика это получается довольно мило, то у женщины за пятьдесят — так себе. Вероник боится выплюнуть свою боль и глотает ее вместе с едой. Пустоту внутри заполняет пищей. А я ничего не говорю, не хочу ее ранить. Лежачего не бьют. Да и кто я такая, чтобы учить кого-то жить? Мне вдруг приходит в голову, что мы с ней — потрясающий дуэт, вроде Лорела и Харди: высоченная жердь и маленькая пышка. Ни одной из нас не светит титул «Мисс Франция».

Мы, хоть и очень близки уже много лет, ни разу не говорили о сексе и не делились подобным опытом. В свое оправдание могу сказать, что мне особенно и нечем было делиться: как-то не возникало в этом плане интересных новостей. На кардиограмме моей половой жизни стабильно прямая линия. Вероник тоже не стремилась расписывать семейные отношения с Жаном во всех красках, и меня это вполне устраивало. Две скромницы друг друга всегда поймут. Я бы даже и не нашла что сказать в ответ на интимные излияния. Да и вряд ли у них в спальне бурлили такие уж страсти. Подозреваю, что йога появилась в жизни Жана неспроста.

Нет, с данным вопросом следует обратиться к настоящему эксперту. А из всех знакомых эксперт лишь один — Лора, моя помощница. Вот она с каким-то злорадным удовольствием рассказывает о своих утехах и сексуальных предпочтениях всем подряд: коллегам у кофейного автомата и в столовой, подружкам по телефону, ну и мне, опосредованно. Напрямую все-таки не решается, бережет меня. И не потому, что я ее начальница — такая ерунда Лору бы не остановила, — а из деликатности. Она же в курсе, что у меня нет ни детей, ни супруга, ни любовника. Она видит, что никто не звонит мне по личным делам, не присылает цветов, не забегает за мной

в офис, чтобы вытащить на незапланированный обед, не дарит ничего на день рождения; что я не запираюсь в кабинете, хихикая в телефон, и ни разу не появилась на работе в одном и том же наряде два дня подряд, как если бы ночевала не дома. Она догадывается, что редкими бессонными ночами я обязана разве что вирусам. Она знает, что обо мне нечего знать. Что я не привлекаю особого внимания, ничего не скрываю, не вызываю ни догадок, ни подозрений. Что никого я не делаю счастливым, кроме своего работодателя. Что я тружусь по восемь часов в день, пять дней в неделю, терпеливо, кропотливо, вдумчиво, и в интересах клиентов нашей фирмы составляю длиннющие подробнейшие договоры, недоступные пониманию непосвященных. Что я не трачу времени на сплетни и перекуры. Лора, наверное, считает, что докладывать мне о мультиоргазмах — не лучше, чем объедаться пирожными с заварным шоколадным кремом на глазах у анорексички. Чистая провокация. Я засыпаю, решив просить помощи именно у нее. Если верить Синди, волосы начнут прорастать из депилированной кожи дней через десять, не раньше, и было бы обидно это время никак не использовать. Я легонько глажу себя между ног... когда же в последний раз это делали мужские руки? Так давно, что лучше и не думать.

8

Утром на работе я чувствую себя немного скованно: уже не уверена, что хочу просить у Лоры содействия в охоте на мужчин. Она тут же разнесет эту весть по всему офису, и моя профессиональная репутация накроется медным тазом.

Лора встречает меня, как всегда, в прекрасном настроении.

— Я иду за кофе, тебе принести?

— А-а, да, спасибо, было бы чудесно. Я вообще-то хотела с тобой поговорить кое о чем.

— Что, какие-то сложности с договором Фаяра?

— Нет, там все в порядке, не в этом дело... тут личное.

Удивление явственно проступает на ее лице. Она хороша собой — вроде бы ничего такого, а есть в ней что-то безусловно притягательное. Ходячая реклама здоровья и спорта, из тех женщин, что готовы хоть каждый вечер после работы бегать на занятия зумбой. Она уверена в себе, любит свое тело, свою матовую кожу, темные волосы и красивые ореховые глаза, она всегда весела и непосредственна. Она знает себе цену. Не то что некоторые.

— Вот как? Тогда подожди, я быстро!

И она уходит, раззадоренная и заинтригованная: что такого я могу ей рассказать?

А в самом деле, что мне ей сказать-то?

— Держи, только осторожно, горячий! Ну, я слушаю.

И смотрит на меня лукаво. Такая свежая, естественная, словно румяное аппетитное яблочко, прямо взяла бы и надкусила. А я рядом с ней — такая подвядшая фасолина, которую можно пережевать, но безо всякого аппетита. Вот чего мне, в числе прочего, не хватает: лукавства, шаловливости, легкости, жизнелюбия и обаяния. Всего, короче, не хватает.

— Ты не могла бы закрыть дверь?

— Пожалуйста! — Она уже хихикает. — Ну? Что я могу для тебя сделать, Сильви?

На секунду возникает ощущение, будто мы с ней подружки, и мне тоже тридцать один, и сейчас я ей расскажу что-нибудь жутко интересное.

— Сперва обещай никого больше в это не посвящать, я тебе доверюсь, но если обманешь, уволю за профнепригодность!

Любопытство в ней сильнее испуга, она поднимает правую руку и торжественно произносит, глядя мне в глаза:

— Обещаю, Сильви!

— Точно, без шуток? Хорошо. Ты часто где-то бываешь, и мне нужен твой совет. Что бы мне сделать и куда пойти, чтобы познакомиться... ну, так, на один вечер?

Лора в шоке. Вот уж чего она не ждала. Даже потеряла дар речи. А потом в восторге захлопала в ладоши, как девочка, которой досталась Барби-Принцесса.

— Это же здорово, Сильви! Отлично! Просто класс! Вылезла наконец из раковины!

— Тише! Не кричи!

— Хочешь, пошли вместе, пройдемся вечером по барам?

— Лучше не надо, я буду неловко себя чувствовать, да и сильно проиграю на твоём фоне.

— Ну брось, не такая уж ты страшная!

По моему лицу она тут же поняла, что это был не ах какой комплимент.

— Прости, я не то хотела сказать...

— Неважно, зря я к тебе прицепилась с этими глупостями. Забудь.

— Да ты что! Найду я тебе парня! Ты каких предпочитаешь? Брюнет или блондин? Рыжий или лысый? Качок? Денди? С татухами или без? Высокий? Бородатый? Худой?

Я будто застыла перед прилавком с мороженым, не зная, какой вкус выбрать.

— Не знаю... ванильный?

— Что?

— Ну не знаю я! Просто... мужчина. Чтоб не совсем урод, не слишком толстый и волосатый. А главное, чистый!

— Я все устрою.

— В самом деле? Уверена? А вдруг я ему не понравлюсь?

— Сильви, говорю же, я найду то, что надо! Но раз уж об этом зашла речь, не обижайся — тебе бы к парикмахеру сходить. На твои космы смотреть больно! Ты, правда, не страшная, просто не следишь за собой.

Послушать ее, так мое безбрачие буквально висит на волоске.

— Знаю, но это какой-то злой рок — мне никогда не везло с парикмахерами.

— Ерунда, ты просто не нашла хорошего мастера. Я тебя запишу. А насчет мужика не волнуйся, я прямо сейчас начну поиски, у меня уже есть одна мысль!

Я потрясена. У нее всегда все ясно, легко и просто. Проблем нет, одни решения. Вон, она уже убегает, лелея в голове план изменить мою прическу и радуясь идее срочно найти мне любовника. И ведь она ни чуточки не сомневается в успехе, уверена, что победит в этой игре. А я тяжело выдыхаю: она и представить не может, какой груз сняла с моих плеч. Мне даже дышится легче. С улыбкой принимаюсь за кофе и не успеваю допить, как она прибегает обратно.

— Так, я тебя записала сегодня на три часа в салон, к этому мастеру все звезды ходят, я сказала, что дело не терпит, что твоя парикмахерша заболела, а тебе идти на прием «Вюиттон», очень советую дать им хорошие чаевые.

— Как на три? Это же середина рабочего дня!

— Сильви, бога ради, ты единственная в нашем офисе не пропустила ни дня! И вообще, определись уже, что тебе нужно. Ты просила помочь — я помогаю!

Я недооценила быстроту ее реакции. Лора, надо сказать, не всегда столь деятельна, особенно когда нужно напечатать договор. А с другой стороны, кто ее за это осудит? Надо очень скучно жить, чтобы, подобно мне, часами, не поднимая головы, ковыряться в хитросплетениях предпринимательского права.

— И не возвращайся ты потом на работу, а пробегись лучше по магазинам, обнови гардероб.

— Что, совсем ужас, да?

Она оглядывает меня с головы до ног и явно подыскивает нужные слова, чтобы не добить окончательно, но при этом убедить в серьезности моего положения.

— Ну, что не так? Говори, не стесняйся. Сама знаю, что хуже быть не может.

— Да нет, не то чтобы... Просто у тебя стиль такой, чуточку слишком строгий... и унылый.

Я жду приговора.

— Вот смотри, Сильви, ты худая, ноги длинные, и зачем-то это скрываешь, джинсы не носишь никогда. А надела бы красивый пиджачок, обувь на каблуке, ладно скроенные джинсики — тебе бы так пошло! У тебя тогда был бы очень современный вид, ну, например, как у Инес де ля Фрессанж, знаешь? Она старше тебя, а выглядит моложе.

Истинная правда. Она к тому же красивей, сексуальней, элегантней, стройней, ярче, богаче, любимей, популярней и модней, чем я и еще девяносто процентов женского населения. Она топ-модель! Это все равно

что любую антикварную мазню сравнивать с фресками Микеланджело.

— В общем, ты понимаешь, о чем я?

Ничего, одним унижением больше, подумаешь. Возможно, я все-таки не лучшего тренера себе подыскала...

Но в одном Лора права. Не было такого, чтоб я не пришла на работу. Я не прогуляла ни единого дня. Даже вдрызг больная не позволяла себе отлежаться — разумеется, потому, что в офисе выздоравливала быстрее, чем дома, где можно помереть и никто не заметит. Если живешь одна, страдаешь тоже одна.

— Ты права. Я уйду на полдня.

В конце концов, договоры Фаяра, Лефевра и Биссона вполне могут подождать. Пускай тут потихоньку привыкают уже обходиться без моего профессионального мастерства. Пускай готовятся. Конечно, не одна я здесь умею составлять контракты, но я это делаю аккуратнее и прилежнее всех.

Утро прошло спокойно, а в обед я ушла — хоть разок могу себе позволить? В три нужно быть во втором округе, так что прогуляюсь, пожалуй, по району Монторгей. Бутиков там — как грязи. Брожу, разглядываю витрины, не смея зайти. Только сейчас я в полной мере осознаю, что мы с модой живем на противоположных полюсах. Если не на разных планетах. Лора опять права. У меня вид, как у почтальонши на пенсии.

Собрав волю в кулак, захожу в бутик «Контуар де Котонье». Цены изумляют, хоть я и не стеснена в средствах. Простое пальтишко за триста евро.

— Вам что-нибудь подсказать?

Я аж подскочила — продавщица выпорхнула из вороха одежды, как черт из табакерки.

— Спасибо, я посмотрю.

— Примерьте его! Вы худая, высокая, вам такое и нужно! И как раз ваш размер!

И протягивает пальто, чтоб я надела. Откуда ей знать, что мне нужно? Может, мне нужно, чтобы меня согрел мужчина, а не пальто.

— Вон там зеркало.

Я робко иду навстречу своему отражению. Физиономия, как из папье-маше, круги под глазами ярче фар в ночи, а волосы вообще живут отдельно от меня. Но пальто сидит неплохо. Скромный, изящный крой и совсем не тоскливый осенний цвет. Мне идет. Ладно. Я в нем даже не такая сутулая.

— Если хотите, у меня еще есть чудесные кашемировые шарфы, очень нежные, просто наслаждение для кожи!

Наслаждение для кожи. Она действительно знает, что мне нужно.

— На зиму нет ничего лучше, они легкие и притом теплые.

Она мягко оборачивает мою шею шарфом.

До чего приятно открыть для себя обволакивающую легкость кашемира! С ним не сравнится мой толстый колючий шерстяной шарф, подаренный шесть лет назад мамой. Истосковалась я по нежностям.

— Беру пальто и шарф.

Продавщица одаривает меня широченной улыбкой. В этом магазине мне на удивление хорошо и спокойно, мне приятно транжирить деньги и радостно шататься без дела в разгар рабочего дня. Я ухожу, оставив здесь почти шестьсот евро и не устая благодарить в душе Лору, которая столкнула меня на скользкий путь прогульщицы. Вот такая умиротворенная являюсь я в салон и сразу попадаю в руки молодого ассистента, слащавого и женственного Лорана. Кругом полно женщин средних лет, им делают маникюр, стрижки, укладки и массажи, здесь не умолкает радостный гомон — прямо улей с целым роем маток! Атмосфера, прямо скажем, непривычная. Я с удовольствием ныряю в пелерину и соглашаюсь выпить чаю, следуя за Лораном к раковине. Там он усаживает меня в удобное кожаное кресло, умелыми мягкими руками намыливает голову, а я нежусь и окончательно расслабляюсь под теплыми струями воды. Затем, как во сне, иду за ним к трюмо, сажусь, вижу себя в зеркале и — о, ужас. Усталая, унылая, увенчанная тюрбаном из полотенца физиономия вмиг разрушает всю сказку. Однако за моей спиной тут же возникает «Люлю», обаятельный, загорелый и фантастически сексуальный мастер лет тридцати. Жутко симпатичный. Он дружески массирует мне плечи.

— Ну, красотка, что будем делать?

— Все что хотите, — слышу я свой голос будто со стороны.

Люлю белозубо смеется, разглядывая отражение нашей совершенно не гармоничной пары. Рядом с ним я похожа на свежесвырытый труп. Он осторожно снимает с меня полотенце.

— Ну и волосы! Куда вам столько? Сейчас мы срежем это все! — забавляется он и запускает мне в шевелюру теплые ласковые руки, слегка задевая затылок.

Сладостная волна проходит по позвоночнику, слезы удовольствия выступают на глазах. Я краснею — стыдно, до чего стыдно, что у меня между ног тут же намокло, стоило ему просто коснуться моей головы и плеч. Я тихонько беру журнал, начинаю листать, чтобы удержать себя в рамках. Такой вот незначительный физический контакт вдруг показал с

ошеломляющей ясностью, насколько мне не хватает внимания и человеческого тепла. Я живу в эмоциональной пустыне и погибаю от жажды нежности. Столь критический недостаток любви в организме невозможно восполнить никакими витаминами и питательными веществами. Я могу лишь изредка глотать крошки ласки, которые мне сбрасывают со стола.

Между тем Люлю явно равнодушен ко мне и моим волосам. Время от времени он кривится и хмурится, крутя в руках то одну, то другую прядь, — играет на публику, уже давно им покоренную. На самом-то деле он доволен, ведь я дала его таланту полный карт-бланш. Со мной легко, испортить меня не получится. Просто не бывает ничего хуже этой огромной бесформенной массы на голове, достойной первобытного человека. Сразу видно, что я нечасто вылезаю из своей пещеры. И теперь, не веря своим глазам, смотрю на Сильви, которая рождается в зеркале с каждым щелчком ножниц, в то время как пол постепенно исчезает под темными прядями. По мне, так Люлю — настоящий художник, вернее, скульптор, который из грубого материала вытесывает изящную линию, силуэт, движение. К тому же он не простой парикмахер, а «мастер парикмахерского искусства» и этот свой титул заслужил сполна. Я закрываю глаза, чтобы как следует насладиться брашингом. Щетка легонько дергает меня за волосы, так приятно, что по телу мурашки бегут, а голову окутывает тепло.

Вот и все. Я улыбаюсь его отражению. А он, кажется, взволнован не меньше меня. Люлю отлично поработал, изменил не только прическу, но и сами волосы: укрощенные мастером, они стали мягкими, послушными, почти шелковистыми и гармонично легли вокруг лица. Глаза засияли ярче, синяки под ними побледнели, как будто все черты разом разгладились. Я уже не такая грустная, старая и одинокая. Моим волосам, как и мне самой, просто нужно, чтобы их заметили, потрогали, приласкали, окружили заботой и полюбили. В благодарность оставляю десять евро на чай Лорану за оргазмическое мытье головы и двадцать Люлю, да еще без возражений покупаю все средства, которые он советует. И даже финальная ложечка дегтя не омрачит моей улыбки.

— Ну, вы хоть стали повеселей, не то что раньше. Прямо посвежели. Стрижка все меняет, правда ведь?

— Почти все, — отвечаю я.

И ухожу — преображенная, легкая, отдохнувшая. На улице получаю смс от Лоры: «Кажется, нашла!!!»

Новое пальто, новая стрижка, а в перспективе — свидание... Да, Лора

права, я уже без пяти минут Инес де ля Фрессанж.

Между прочим, с такой прической я и перед спасателями буду поприличнее выглядеть, когда они меня найдут. Теперь они, может, и не увидят во мне выброшенную из жизни старую деву. Кстати, пора бы озаботиться завещанием. Напишу, чтоб меня похоронили непременно в новом пальто и кашемировом шарфе. На радость червям.

9

На другой день, выйдя из лифта, сразу натываюсь на Лору, которая при виде моих волос воздевает оба больших пальца в знак полного одобрения. Надо сказать, я и в метро уже не чувствовала себя такой незаметной, как раньше.

— Ничего себе! Ты так изменилась, потряс!

— Спасибо!

— Пальто новое? Просто бомба!

— Да, видишь, я послушалась тебя. Спасибо, Лора, ты была абсолютно права, давно пора было сменить прическу.

— Слушай, да я и представить не могла, что ты так помолодеешь! И глаза, глаза появились на лице! Я даже не замечала, какие у тебя красивые черные глаза!

— Ты извини, у меня что-то голова побаливает, я схожу за кофе и сяду работать, ладно?

— Никуда не ходи, я сама кофе принесу! А потом покажу кое-что интересненькое.

Подмигнув, Лора убегает. Я, конечно, очень ей благодарна, но напрасно она ведет себя при всех, как будто мы сообщницы. Ох, боюсь, попаду я с ней в переplet. Откуда мне было знать, что она этой игрой так увлечется? Наверное, видит во мне любопытную задачу — как превратить гусеницу в бабочку. Ну, или хотя бы в моль.

— Держи, только осторожно, горячий! Короче, пока ты навела красоту, я тоже не сидела без дела и подыскала тебе кое-кого. По-моему, подходит. Вот, сама посмотри и скажи, что думаешь.

И без спросу сует мне в руки свой смартфон. Передо мной фотография профиля на Фейсбуке: лысоватый мужчина с бородой на фоне поросшей лесом горы устремил взгляд в неведомые дали.

— Кто это?

— Эрик Лежен, он мой «френд».

— Френд?

— Да, друг на Фейсбуке. Мы с ним, в общем-то, не знакомы, но я посмотрела профиль. Вроде ни жены, ни детей нет, в отпуск ездит один или с друзьями, и симпатичный!

— Ты хочешь меня познакомить с человеком, которого не знаешь?

— А что, лицо у него славное, как ты и просила — не красавец, не урод. И живет в Париже, очень удачно!

— Но вы даже не знакомы! Как он стал твоим френдом, раз он тебе не друг?

— Ну, может, он друг моего друга, не помню уже. На Фейсбуке это сплошь и рядом. Хорошего человека сразу видно, и вовсе необязательно его знать. А уж если тебя кто «зафрендил», значит, у вас наверняка много общего!

Я разглядываю фотографию Эрика Лежена и думаю, что общего у нас с ним может быть. Точно не любовь к походам, мне за городом совсем тошно.

— Ладно, только если ты сама его не знаешь, как меня-то будешь знакомить с ним?

— Да уж как-нибудь исхитрюсь! Ты, главное, скажи, он тебе нравится?

Нет, главное не это, а понравлюсь ли ему я. Не в моем положении привередничать. Есть у него две руки, две ноги и пенис — надо брать! Я же не любовь до гроба ищу, а просто мужчину на одну ночь. Или на две. Ну, это уже детали.

— Не знаю, так сразу сложно сказать... Надеюсь, изо рта у него не пахнет, а вообще да, он мне нравится. Лицо в самом деле приятное, и природу он любит, это уже плюс.

Лора прямо дрожит от радости, будто накануне новогодних скидок.

— Здорово, сразу нашли подходящего парня! Про остальное мы еще подумаем. Класс, я так рада — ты не представляешь, все идет как по маслу!

— Да-да, спасибо, Лора, только ты не забывай, что это между нами, хорошо? Если услышу хоть малейший смешок у себя за спиной — лишу тебя обеденных талонов!

Она клянется быть могилой и выбегает из моего кабинета, повизгивая от удовольствия. Остаток дня я стараюсь наверстать недоработанное вчера и не пересекаться с Лорой. А еще с нетерпением и тревогой предвкушаю вечерний психотерапевтический сеанс.

— Вы сходили к парикмахеру?

— Да, по наводке моей ассистентки Лоры.

— Вам очень идет!

— Спасибо.

Я краснею, а он делает вид, что не заметил этого. Должно быть, я кажусь ему невероятно жалкой. И все же менее жалкой, чем на самом деле.

— Ну, как там ваши планы, о которых мы говорили в прошлый раз?

— Скажем так: я предпринимаю кое-какие шаги, чтобы познакомиться

с мужчиной.

— Вижу, вы занялись собой, уже хорошо. Хоть на этот раз процедура была приятной?

— И да, и нет.

— Расскажите.

— Мне было приятно, это же просто счастье, когда о тебе заботятся, массаж делают, и все такое... Да еще мастер попался обаятельный, обходительный, приветливый, ну прямо сказочно повезло!

— Но?...

— Но вот парадокс — это было еще и мучительно.

— Что же вас мучило?

— Видите ли, когда ты одна, ты не только живешь одна, ешь одна, засыпаешь одна, просыпаешься одна и одна ходишь по магазинам. Когда ты одна, никто тебя не трогает, не гладит, не обнимает, не любит. Это тяжело. Мне безумно не хватает заботы, и физической, и душевной. А тот парикмахер Люлю, его руки, теплые, живые... они вызвали у меня такую бурю эмоций, что даже стыдно стало. Он-то прикасался ко мне просто по-доброму и в мыслях не имел ничего дурного, он вообще голубой. А я не знала, куда глаза девать. Чувствовала себя едва ли не извращенкой. Только совсем убогие вроде меня могут трепетать, стоит лишь кому-то до их затылка дотронуться! Только совсем несчастные. И совсем одинокие.

— Зато благодаря его прикосновению вы смогли ощутить себя живой.

— Верно. И мне было еще больнее, ведь он ко мне прикасался без какого-то чувства. А так, понимаете, механически. Нежно, мягко, но механически, я бы сказала — рефлекторно. Работа у него такая, он ласков со всеми клиентами, и только меня одну это потрясло.

Я утираю слезу.

— Но вы же знаете, что все может измениться, Сильви. У вас есть шанс кого-нибудь встретить.

— Ничего подобного. Я не разведенка, которая вдруг осталась одна в сорок пять лет, не мать-одиночка и не вдова. Я «синий чулок». Никто никогда не любил меня по-настоящему. А я если и влюблялась, то безответно. Ни один мужчина не захотел подарить мне ребенка. Я им всем безразлична.

Громко сморкаюсь.

— А почему, Сильви, как вам кажется?

— Понятия не имею! Это у них надо спросить! Вокруг полно женщин куда страшнее меня, и у всех есть мужчины. Пусть я не красавица, но неужели прямо настолько омерзительна?

— Нет, Сильви, отнюдь. В вашей внешности нет абсолютно ничего омерзительного, вам это хорошо известно.

— Тогда что во мне не так?

— Полагаю, вы должны задать себе вопрос: «Почему я считаю себя недостойной любви?»

— А, выходит, я сама во всем виновата? — возмущаюсь я, шмыгая носом.

— Все мы в той или иной степени несем ответственность за свою жизнь, разве нет?

Он меня бесит. «Все мы несем ответственность за свою жизнь, разве нет?» Ля-ля-ля. А разве я виновата, что мне не досталось ни красоты, ни обаяния?

— Не могу же я заставить мужчин меня любить!

— Нет, но вы можете заслужить их любовь.

Он очень доволен произведенным впечатлением: думает, что утер мне нос, попав не в бровь, а в глаз. Влепить бы ему хорошую пощечину! Моя обычная сдержанность вдруг уступает место какой-то бешеной ярости, я готова взорваться.

— Что ж, скоро у меня будет шанс проверить свои возможности.

— Вы уже познакомились с кем-то?

— Почти. Есть один «френд», ну, то есть друг моей ассистентки Лоры. Это по-дурацки звучит, и надежды мало, но, говорят, в Фейсбуке такое на каждом шагу. Там все иначе...

— Да, я знаю, что такое Фейсбук.

— Правда? И как вам?

— Ничего особенного. Хотя, судя по моим клиентам, эта социальная сеть редко кого оставляет равнодушным. Для многих она стала средоточием жизни и интересов. А еще там возникает немало конфликтов и обид.

— Вот как? Неудивительно. У меня никогда не было желания завести свою страницу, это просто не мое. Мне нет места там, где люди публикуют фотографии из отпусков и хвалятся своим счастьем. Для чего мне эти танталовы муки? Я не хочу видеть чужих детей, свадеб, рассветов и закатов, мне и без того плохо и одиноко. К тому же у меня так мало друзей, что я буду выглядеть смешно.

— Вы уже виделись с этим «френдом»?

— Нет, но должна скоро увидеться.

— Расскажете в следующий раз?

— Расскажу, если это будет не слишком непристойно.

Он прав, я делаю успехи — сумела его хоть немножко повеселить.

Лора ждет меня в кабинете со стаканом кофе.

— Наконец-то, Сильви, мне с тобой нужно обсудить проект «Лежен».

— Лежен?

— Ну да, помнишь наш проект «Лежен»?

Все ясно, у нее есть новости, да такие, что долго она их в себе не удержит, и я спешу закрыть дверь в коридор.

— Все готово, ты идешь на свидание!

— Уже?

— Конечно, а чего ждать? Второго пришествия?

— И он согласился? Он хоть знает, к кому идет?

— Слушай, я ему написала, что на него запала моя незамужняя подруга, очень классная...

— Что? Так и сказала — «запала»? С ума сошла?

— Так, ты мне доверяешь или нет?

— Ладно, главное, чтоб ты не наболтала ему про меня еще какой-нибудь ерунды.

— Нет, главное, что у вас свидание завтра вечером!

— Завтра?!

Голова идет кругом, слишком быстро все. Я лучше присяду. Лора добавляет мне сахара в кофе. Только вчера я узнала о существовании этого Эрика по фотографии в Фейсбуке, а завтра мне уже, возможно, предстоит с ним переспать!

— Пей!

Я послушно глотаю горячий кофе.

— Боюсь, я не смогу, Лора. Мы с ним не знакомы, у нас даже нет общих друзей, я вообще лет десять не ужинала вдвоем с мужчиной! О чем мы будем говорить? А вдруг я его разочарую, вдруг он сбежит, увидев меня? Нет, ничего не выйдет, напиши ему, что ты ошиблась, или пошутила, или твою страницу взломали — что угодно, только все отмени! Ну и жара! — Я срываю кашемировый шарф.

— Сильви, успокойся. — Лора с тревогой смотрит на меня. — Прости, что я тебя так перепугала. Я же хотела как лучше, я хотела помочь. Пойду принесу тебе водички.

— Спасибо, не надо.

Я сижу и не могу подняться, будто спятившая старушка, которая забыла, где ее дом. Так, хватит, глубокий вдох.

— Ты права, Лора. Я сама просила тебя о помощи. Просто для меня это чересчур быстро, мне недостает твоей раскованности.

— В смысле, ты не привыкла молоть языком, как я? — с улыбкой уточняет Лора, и я улыбаюсь в ответ. — Вот что, я не знакома с Эриком Леженом, но думаю, он славный малый. Я изучила его профиль, он всегда «лайкает» статьи про экологию, про защиту природы и про животных, он подписан на страницу Общества «Морской дозор»! [□](#) Мы с ним одни и те же петиции подписываем!

Вот это я понимаю аргумент.

— Во что ты меня втянула, а, Лора?

— Да это просто ужин! Хочешь, я спрячусь где-нибудь рядом и, если что не так, сразу выскочу?

— Нет уж, спасибо, не стоит.

Смотрю на нее — свежа и непосредственна, как сама природа.

— А ты бы пошла?

— Не будь я замужем, да?

— Само собой.

Какая разница? В данной ситуации это роли не играет.

— Конечно, пошла бы! Это ведь то же самое, что в барах знакомиться, только здесь ты заранее представляешь себе, с кем имеешь дело. И, по правде говоря, Сильви, тебе это не повредит. Тебе надо развеяться.

Черт, и то верно. Вот весь прошлый сеанс у психотерапевта я прохныкала, без конца жаловалась на жизнь, хорошо бы в другой раз хоть каким-то позитивом его порадовать. И снова проверить, на что я гожусь. Два предыдущих задания обернулись полным крахом, вряд ли сейчас будет хуже, если только Эрик не даст деру, увидев меня. Но в этом случае я прямо завтра и покончу с собой, без промедления.

— А ты написала, сколько мне лет? Он хоть мое фото видел? Ну, с новой прической?

— Нет, я решила поиграть с ним в тайну. Написала только, что тебе около сорока, ты деловая женщина и считаешь его очень привлекательным.

Деловая женщина, ну да. Этого только не доставало. У Лоры настоящий талант видеть во всем хорошее. Вот же краснобайка! Конечно, деловая женщина манит больше, чем полуфригидная старая дева и будущая самоубийца.

— Покажи мне его в Фейсбуке еще раз.

Лору дважды просить не приходится, она в один миг открывает нужную страницу на моем компьютере и выходит, оставив меня наедине с кандидатом в ухажеры. Изучив его профиль, я узнаю, что живет он в Париже, а родом из Бордо. Вроде бы как-то связан с бизнесом. Лора не соврала, он прямо фанат петиций: тут у него и «Международная

амнистия», и «Репортеры без границ», и «Гринпис». Значит, не скупится на добрые чувства. И, разумеется, он тоже из тех, что скандируют «Я Шарли» — откликается на любой призыв к мобилизации. Благородство в крови. Среди его фотографий либо горные пейзажи, либо выходные в кругу друзей. Судя по всему, он любитель хороших вин; для уроженца Бордо, прямо скажем, не самое оригинальное увлечение. Спасибо, что нет снимков его голых ног на фоне бассейна, это еще один плюс. Пытаюсь представить на фото рядом с ним себя, как я в шортах и с походной фляжкой в руке прокладываю путь через горный луг, покрасневшись от ходьбы и улыбаясь в объектив, несмотря на усталость. Все это настолько нелепо, что я тут же закрываю страницу. Голова снова кружится. Какой он меня воображает? Как обычно выглядят «деловые женщины»? Такие, в сексуальных строгих костюмчиках и на «лабутенах»? Что мне надеть? И сколько принять успокоительного?

Я звоню Лоре.

— Бегу, — тут же отвечает она.

Войдя в кабинет, Лора тревожно вглядывается в меня, словно мне предстоит операция по пересадке сердца. И она не так уж далека от истины: для моего сердечка это будет немалое испытание. Надеюсь, оно все же не разорвется.

— Где мы встречаемся?

— Где пожелаешь. Он предложил винный бар у площади Бастилии, а вообще — на твое усмотрение.

— Мне это вполне подходит. В котором часу?

— Выбирай сама, Сильви. В семь? В восемь?

— Отлично, в семь.

Лучше не откладывать, чтобы не было путей к отступлению. А то ведь с меня станется в последний момент приковать себя к батарее и проглотить ключ. Нет, в омут с головой. И это в сорок пять лет, позорище!

— Но мы пока договоримся просто выпить по бокальчику, да? А насчет ужина потом решим.

— Без проблем, Сильви.

Я в страхе смотрю на нее.

— Как мне лучше одеться?

— Тебе правда нужен мой совет?

— Ну да!

Она наконец улыбается.

— Иди в юбке без трусов.

— Не валяй дурака, Лора, ты же видишь — я и так с ума схожу!

— Нет, если я правильно тебя поняла, ты просто хочешь поразвлечься? Я в таких случаях надеваю платье или юбку без трусиков. И остается только объявить об этом в нужный момент. Успех гарантирован.

Не пойму — то ли она издевается надо мной, то ли она еще более раскована, чем я думала.

— Но можно надеть и джинсы с красивой блузкой, тоже хороший вариант. А теперь извини, у меня и своей работы хватает.

И она исчезает, оставив меня перед кошмарной дилеммой: в трусах или без трусов?

Ладно, над этим я еще подумаю, а пока с облегчением возвращаюсь к моей документации. По крайней мере, она у меня вопросов не вызывает. О ней я знаю все.

Уходя вечером с работы, я стараюсь не встречаться с Лорой взглядом. Мне бы надо выпить. Позвоню своей подруге Вероник.

10

— Приятно вот так запросто увидеться в рабочий день!

— Да, тем более что нас никто не ждет дома.

Я позвала Вероник в тот самый винный бар у площади Бастилии, чтобы заранее в нем освоиться. Удивительно, сколько здесь народу по вечерам. На высоком табурете я себя чувствую, как курица на насесте, но больше тут сидеть не на чем. Незаметно разглядываю наряды «деловых женщин» вокруг. Юбки и платья мало кто носит, зато каблуки у них в чести, это несомненно. Дамы сверкают веселыми и плотоядными улыбками, теребят мочки ушей и притворяются, что не замечают взоров, притянутых к их убийственным декольте. Они доминируют, царят и повелевают. Впрочем, вино и непринужденная обстановка даже мне придают уверенности. Ничего страшного, у меня будет просто такая неформальная встреча, как будто с коллегой... или с другом друзей подруги.

Вероник присматривается ко мне, потягивая из бокала шабли. На барном табурете она смотрится еще более приплюснутой, чем обычно. Пытается скрыть жировые складки под курткой, а та обтягивает ее живот, как мячик, и никого не может обмануть. Меня это раздражает и расстраивает.

— Ты переменилась.

— Прическа новая.

— Нет, дело не в ней, хотя тебе очень идет, дай мне потом адрес салона.

— В чем же тогда дело?

— Не знаю, ты просто другая, и все. Я ведь не говорю, что это плохо. Ты как-то спокойнее на вид. Конечно, те несколько месяцев, что ты возилась с отцом, тебя измотали. А теперь ты снова в форме, приятно смотреть.

— Спасибо. Вообще-то я последовала твоему совету и нашла психотерапевта.

— Да ну?

Вероник в восторге, я не могла доставить ей большего удовольствия.

— И кого же? Я его знаю?

Вероник читает каждый номер «П-жи» ^[2] от корки до корки и думает, что знает всех парижских специалистов. Психология — ее конек. Она и

сама уже к нескольким ходила.

— Вряд ли. Я выбрала его наобум, поближе к дому. Подошла к этому с практической точки зрения.

— Ну и как?

— Ты была права, выговориться бывает полезно.

Хочу ее порадовать. Нет, не просто хочу, но и должна: после Рождества она будет расстроена, мягко говоря.

— Значит, твой психолог — мужчина?

— Да. И весьма недурен собой, а это уже немало.

— И то правда, старушка! — Она смеется, хлопая себя по ляжке, будто мы пришли на телешоу «Умники». — А ты, между прочим, что-нибудь решила насчет Рождества? Надеюсь, одна сидеть не собираешься?

— Спасибо, не волнуйся за меня. Я в этом году съезжу отдохнуть.

— На лыжах кататься?

— Нет, меня больше тянет в какое-нибудь райское местечко.

— Поближе к солнышку? С группой поедешь?

— Одна. Я еду одна. Но ты не переживай, все будет замечательно.

Я знаю, что играю с ней злую шутку. Потом она будет вспоминать этот разговор с ужасом. Надеюсь, она простит мне это и не станет винить себя. Я не могу сказать ей обо всем открыто, это слишком личное, интимное. Тем более она не поймет. Да сколько можно оправдываться?! Моя жизнь — мой выбор, и покончим с этим.

— Вот и правильно, дорогуша! Тебе обязательно надо отдохнуть! Вернешься загорелая... Я бы тоже уехала, если б не дети. Может, летом вместе махнем, оторвемся?

«Оторвемся!» Видно, Вероник хочет казаться моложе, чем есть. Это она так кокетничает. Я-то подозреваю, к сожалению, что отрыв у нас получился бы довольно унылым.

— Почему нет, давай съездим. Ну, расскажи, как у тебя дела?

— А, у меня... Ну, я тут узнала, что эта шалава беременна! Представляешь? Он снова станет папой, в его-то возрасте! Ему впору дедушкой быть! Сделал из себя посмешище. Дети в ярости просто. Он из-за шалавы своей совсем тронулся умом. Вот как ты себе представляешь — в его годы подрываться среди ночи, чтобы дать бутылочку?

В последнее время лишь одно доставляет Вероник удовольствие — обзывать юную разлучницу шалавой. В этом слове умещается вся ее ненависть. Мне оно режет слух, но я понимаю подругу: такой печально-банальный разрыв опустошил ее и наполнил желчью. Неудивительно. Должно быть очень больно, когда тебя после двадцати лет совместной

жизни выкидывают, как подгнивший огурец. Но сегодня у меня нет желания выслушивать ее жалобы. И вообще, лучше бы она всю свою злобу обратила не на бывшего, а на лишние килограммы. Тут у нее большой простор для деятельности. Да, знаю, я несправедлива к ней. Но вот не могу жалеть ее искренне. Целых двадцать лет она жила в семье. Она познала счастье. Я — нет. Вероник верно подметила: я изменилась. Еще недавно была «синим чулком», схоронившей отца сироткой, а сегодня я деловая женщина, которая зашла выпить по бокалу с подружкой после рабочего дня. Деловая женщина, которая готовится к свиданию с мужчиной. А то и к сексу.

Предлагаю выпить еще.

— И верно, главное — не сдаваться! Вон те тарелочки с колбаской вроде ничего так на вид, а? Может, возьмем одну?

Домой возвращаюсь сытая и слегка поддатая. На ужин у телевизора сил уже нет, поэтому сразу лезу под одеяло. Я не стала рассказывать Вероник о завтрашнем свидании — сама еще не знаю, что буду делать, может, вовсе не пойду. Трудно представить меня залезающей на барный табурет в юбке и без трусов. Да ладно табурет — без белья вообще-то холодно, и потом — вдруг кто-нибудь заметит? А главное, боюсь, это будет меня сбивать. Вот как развлекать незнакомца культурной беседой с голым-то задом? Все, больше ни о чем думать не хочу. Хочу спать. Давно я не засыпала, торопя завтрашний день. Непредсказуемый день. Непредсказуемый вечер.

Просыпаюсь от звонка будильника, выключаю его и блаженно сворачиваюсь под теплым одеялом в комок. Слушаю, как стучат капли дождя по стеклам. Вставать не хочется. Шевелиться даже неохота. Мне уютно в своей норке, я сегодня нежусь, словно сурок. Не могу собраться с духом и пойти на работу — возьму да и не пойду. Сколько таких вот счастливых моментов я упустила? Как истинная дочь своего отца, день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем, год за годом я сэкономила большие и маленькие удовольствия, не давая себе ни расслабиться, ни просто почувствовать себя хорошо. Все принесла в жертву труду и чувству долга, настоящий солдат. Но этот день я начну с ванны, долго буду в ней лежать, а потом пройду по магазинам. Надо подобрать юбку или платье — такое, чтобы придать мне безрассудства и смелости.

Открываю флакон с пеной, из-за которой пережила такой позор. Под струей воды густая жидкость превращается в пышную ванильную шапку. Сперва я с наслаждением погружаю в нее ногу, а потом залезаю и вытягиваюсь в горячей ванне, невольно думая о том, как буду принимать ее в Рождество. Что, если это не самая удачная идея? Когда я умру, ванна

остынет, пена растает, и останется только мое хладное тело в мутной воде. Сколько я так пролежу, прежде чем меня найдут? Вероник будет уверена, что я спокойно загораю себе на сейшельском пляже, соседи наверняка из города уедут, а на работе никто не спохватится из-за моего отсутствия до конца праздников. Разве что Франк в «Скорую» позвонит? Но когда он позвонит — до или после? В каком состоянии меня обнаружат? И какая бригада приедет, не та ли, что была в салоне красоты? Сумеют ли они меня опознать? Если верить детективным фильмам, тело, долго пролежавшее в воде, выглядит не слишком привлекательно. Вот, у меня всего за час пальцы уже сморщились, а что будет через несколько часов? Или дней? Нет, лучше все-таки лечь, приняв снотворное, в кровать. Это будет как-то достойнее. И мягче. И приличнее. Странные мысли о смерти слегка пьянят меня. Но не пугают. Например, моя мама вообще не успела разглядеть свою смерть. Ходила, как обычно, по магазинам и вдруг почувствовала боль в груди, без единого крика упала, продукты рассыпались по тротуару, а она уже не смогла их собрать. Сердечный приступ. Так резко, неожиданно, так несправедливо. Я и не думала, что моя мама смертна, пока она не умерла. Она была всем для меня и ушла, не предупредив, не сказав ни слова, зато продуктами запаслась — хорошая хозяйка. Наверное, думала, что бы приготовить на обед, а секунду спустя все кончилось, будто кто-то выключил свет. Легко и просто. Зато папа умирал трудно, мучительно, долго. Несколько недель ему делали бесполезную химиотерапию, потом оставили его в покое, и началась длительная агония. Помню, он лежал на продавленной больничной кровати, худой, серый, лицо как бумажное. Его клетки отмирали одна за другой, тело таяло, даже синева глаз поблекла. Он превращался в призрак, который мог напугать лишь самого себя. Прямо маленький мальчик, дрожащий от страха. В самом конце спросил, умрет ли он, я не смогла ответить, только помотала головой. Но мои слезы были красноречивее. До сих пор не могу себе простить, что не утешила его. Я не была готова нести такой груз в одиночку. А сейчас ничего не боюсь. Смерть у меня под контролем. Умру, когда захочу, где захочу и как захочу.

Вода уже чуть теплая. Я вылезаю и заворачиваюсь в большое полотенце. Разглядываю себя в зеркале. Благодаря запотевшему стеклу я выгляжу не такой уж страшной, просто очень худой. Надо держать осанку. В полумраке можно скрыть кое-какие дефекты, правильную иллюзию создать. Делаю укладку, как научил Люлю, мажу тело парфюмированным кремом, чтобы смягчить кожу, и одеваюсь.

В телефоне меня ждет заполошенная смс-ка от Лоры: «Что-то случилось?»

Ты где? Может, все отменить?» Спешу ее успокоить: «Спасибо, все хорошо. Взяла на сегодня отгул. Вечер в силе».

Лора воздержалась от дальнейших комментариев, и я это очень ценю. Наверное, поняла, что меня могут сейчас отпугнуть всякие смайлики или истеричные эмодзи. Все, пора покинуть мою тихую обитель, на поиски идеального наряда осталось всего несколько часов. И я направляюсь в единственный магазин одежды, которому доверяю.

По улыбке продавщицы видно, что она узнала меня. Сразу подалась мне навстречу, бросив на произвол судьбы других покупательниц и улыбаясь во весь рот. Зубки у нее на зависть — белые и ровные, словно драже. Я инстинктивно стараюсь не показывать свои — крупные и кривые.

— Как поживаете, все хорошо?

— Да, спасибо.

— Могу я вам чем-то помочь?

— Я бы хотела присмотреть какое-нибудь платье или юбку.

— У меня есть замечательное платье, оно вам очень пойдет!

Обожаю эту женщину. Еще недавно меня бы смущали ее природная грация и безупречная фигура. Но теперь мы с ней союзники. Она показывает и вправду красивое черное платье, такое псевдоклассическое.

— Очень мило. Но не слишком ли коротко?

— Отчего же? У вас стройные ноги, их надо показывать!

И почему я раньше этого не знала? Она вселяет в меня уверенность.

— Ладно, я примерю.

Несколько минут спустя платье кажется мне уже не таким красивым и еще более коротким.

— Ну как вам? Сидит прекрасно!

— Не знаю. Мне как-то неуютно, оно все же чересчур короткое.

— Так в этом весь шик!

— Может быть, но я вообще платьев не ношу, и для первого раза хотелось бы что-нибудь не очень вызывающее.

— Тогда могу вам показать платье из твида, оно поскромнее, но отлично сшито.

— Да, покажите, пожалуйста.

Платье идеально. Теплое и мягкое. Облегающий крой, рукава до запястий — чем-то напоминает стиль Джеки Кеннеди. А если еще без белья, так я в нем буду прямо настоящая деловая шлюха. То что нужно.

— А вы наши сумочки видели? Чудесные, мы их только что получили!

Конечно, она обратила внимание на мою сумку. Мамин подарок на сорокалетие. Не самая стильная, мягко говоря.

— О, это мысль, покажите!

Купив сумку за триста тридцать пять евро, я понимаю, что эта женщина обожает меня не меньше, чем я ее. Домой иду, преисполненная верой в себя, ведь ничего невозможного нет, я справлюсь. Главное — настроиться, чтоб кураж был. И потом, надо признаться, меня так и подмывает рассказать моему психотерапевту, как я отправилась на свидание нарядная и без трусов. Чего бояться, жизнь коротка, а в моем случае — особенно.

11

Готовность номер один. Я сижу, не шевелясь, у себя в гостиной, в новом платье, покрашенная, надушенная, и мучаюсь над дилеммой. В трусах или без трусов? Встаю, изучаю себя в зеркале. Со стороны ничего не заметно, хорошо хоть об этом можно не волноваться. Внезапно в тишине что-то хрипит. Я подпрыгиваю от испуга, как психованный заяц. Для инфаркта, прямо скажем, не лучший момент. Что за шум-то? Наконец до меня доходит, что это звонили в домофон. Кто там еще явился? Ко мне никогда не приходят без предупреждения. Да и с предупреждением не ходит никто. Я жду, замерев и слушая стук сердца, которое так и рвется наружу. Домофон вновь изрыгает свой мрачный хрип. В панике я приближаюсь к двери, вслушиваясь в звуки дома — можно подумать, тонкий слух поможет мне угадать, кто там стоит в холле, в нескольких этажах от меня. А вдруг это Эрик Лежен? Вдруг Лора дала ему мой адрес? Вдруг он, снедаемый похотью, примчался, чтобы с порога наброситься на меня? Ладно, отвечу, чтобы удостовериться, а потом уж задам Лоре взбучку.

— Да? — Должно быть, таким же слабым голосом отвечала из-за двери бабушка Красной Шапочки.

— Сильви? Это я.

— Кто «я»? — Бабушкин голос еще и дрожит.

— Да я, Лора! Хотела убедиться, что у тебя все хорошо.

Лора! Лора, Лора, Лора! Притащилась ко мне домой. Стоит там внизу в холле. Так я и знала, что зря сократила между нами дистанцию. Нет, ей ни в коем случае нельзя сюда подниматься. Ей нельзя переступать этот порог. Лора — моя ассистентка, она не может, не должна видеть, как я живу. Мне не по себе уже от одной мысли, что она прорвется сюда, в мою гостиную. Я здесь буду перед ней совсем беззащитна, в новом платье и с голой задницей. Не хочу, чтобы она видела эту квартиру одинокой старухи, нетронутую декором. Тут и смотреть нечего, кроме безжизненных фотографий моих мертвых родителей.

— Все в порядке, Лора, просто я еще голая, только вышла из душа, а так все нормально, спасибо, что зашла.

— Ну ладно, а если хочешь, могу подняться...

— Нет! Ни в коем случае! Правда, не стоит. Езжай домой, завтра

увидимся.

— Хорошо... тогда я пошла? — Голос у нее то ли неуверенный, то ли огорченный.

— Да, спасибо, Лора!

Поверить не могу, что она заявила прямо ко мне. Напугала своей заботой до полусмерти. Придется выпить что-нибудь нервоукрепляющее (я и без нее собиралась), например, стопку, нет, две стопки, нет, пять стопок водки залпом. Теперь в горле у меня вулкан, в легких пожар, а на сердце полегчало. Отвага стремительно возвращается ко мне на своей огненной колеснице. С этого дня, пожалуй, запью. Все равно спиться до Рождества не успею. Хотя как знать...

Без чего-то семь выхожу из метро на Бастилии. Я духами почти не пользуюсь и сейчас чую, что от меня несет ими за добрую сотню метров. Опять выкинула деньги на ветер, зато с «Герлен» не промахнулась, как мне кажется. Дрожу в новом пальто; я, похоже, единственная шляюсь по городу с голыми ногами. В метро всю дорогу стояла, не решилась присесть — глупо, да, но вдруг какой-нибудь извращенец увидит, как я кладу ногу на ногу? И вообще, с момента выхода из дома я не устаю себе повторять, что это безумная затея, особенно когда вспоминаю о злополучном посещении Лоры. И только водка окрыляет меня. Никогда в жизни я не делала ничего более странного. Однако же это оказалось забавно — ходить в платье без трусов. Такое ощущение, будто я абсолютно безнаказанно вожу всех за нос. Утешаю себя мыслью, что, скорее всего, вернусь домой одна, а Эрик так и не узнает о психологической драме, которая развернулась вокруг моего исподнего. У меня даже была идея положить трусики в сумку про запас, но страх перед карманниками заставил от нее отказаться. Не буду же я кричать на весь вагон: «Держи вора! Он украл мои трусы!»

Меня мучают дурные предчувствия. Страшнее всего будет увидеть разочарованную мину на его лице. Для самоуспокоения я множество раз повторила названия всех прочитанных книг и всех просмотренных фильмов — хоть как-то поддержу псевдокультурную беседу. Можно подумать, он специально придет, чтобы узнать мое мнение о последних романах Татьяны де Ронэ и Дельфины де Виган, или о последней драме Жака Одиара, да какая разница, зубрежка всегда помогала мне собраться с силами. Вот и бар. Народу больше, чем вчера. Теплый воздух ласково окутывает мне ноги. Озираюсь в поисках лысого бородача. Лысых тут хватает. И полно бородачей. Где ты, Эрик Лежен? Очень велик соблазн сбежать отсюда... Но чья-то рука уже касается моего плеча.

— Сильви?

Оборачиваюсь — он. Так странно видеть его вживую. Он похож на свое фото — действительно лысый и бородатый, только чуть худее, чем я представляла его. Одет в джинсы, белую рубашку и черный пиджак — непринужденно и элегантно. Я ценю его усилия. Он сразу приветствует меня поцелуем в щеку.

— А, Эрик, добрый вечер, ты меня узнал?

Мимоходом отмечаю его парфюм — легкий, приятный. Его кожа, в отличие от моей, тронута загаром. Сразу чувствую себя бледным страшилищем. Во мне поднимается паническая волна, хорошо, что я не забыла воспользоваться дезодорантом. Всегда была предусмотрительной, на то я и юрист.

— Да, Лора мне тебя описала. Что будешь пить?

— Даже не знаю... А ты?

— Я бы выпил бокал «пино нуар».

— Прекрасно, я тебя поддержу!

Несколько долгих секунд мы смотрим друг на друга без слов. Просто попытка. Неловкое молчание сглаживают чужие голоса и музыка, в такт которой я по-дурацки дергаю головой, безуспешно имитируя беззаботность.

— Легко нашла?

— Да, я уже бывала в этом баре.

Официант приносит нам бокалы. Мы чокаемся, и я сразу делаю большой глоток.

— Если хочешь, можем потом закуску заказать, у них есть колбаски.

— Да, я знаю!

Отметив, что он вроде бы не пытается в ужасе удрать, я позволяю себе немного расслабиться.

— Значит, ты подруга Лоры?

— Вообще-то она моя ассистентка. Думаю, ты заметил, что мы с ней не совсем ровесницы. А ты ее откуда знаешь?

— У нас общие друзья. Я ведь тоже старше, пересек фатальный рубеж сорокалетия.

Мой бокал почти пуст. Он примет меня за пьяницу.

— Ты будешь то же самое?

— Не знаю, а ты?

— Я еще этот не допил, но почему нет.

Он делает знак официанту. Сразу видно завсегдатая. Сколько женщин он уже сюда привел? Сколько прелестных блондинок и рыжих кокеток? И

сколько из них пришло без трусов?

— Мне много пить нельзя, я на мотороллере.

— Да? А мне можно, я на метро.

— Ты далеко живешь?

— Нет, на станции «Вольтер». А этот район всегда любила.

— И я, раньше у нас тут был офис, но мы переехали.

Разговор абсолютно плоский и скучный, как я сама. Но с чего-то же начать надо.

— А чем ты занимаешься?

— Работаю в торговом отделе одного маленького издательства, выпускаем разные путеводители. А ты?

— Я? Я без белья!

— Что?

Это разве я сказала? Меня парализует ужас. Я слишком быстро выпила бокал вина, а до него, между прочим, походя пропустила несколько стопок водки для храбрости. Да, позор в салоне Синди явно ничему меня не научил. Он расслышал. Конечно, расслышал.

— Я говорю, что на мне нет белья, — повторяю, склонившись к нему, чтобы никто больше не разобрал моих слов.

Его сердце громко стучит под рубашкой, его дыхание обжигает мне кожу. Я, как малолетка, дрожу от страха. Он целует меня в шею, глядя в сторону. Дрожу теперь от наслаждения. Он обнимает меня такой сильной, такой мужской рукой и увлекает к выходу, бросив, как в кино, купюру на стойку и подхватив мое пальто. Уже на улице, перед витриной бара, впивается мне в губы. Посмотреть со стороны — просто какой-то лысый целует худую сутулую брюнетку, а для меня это самые настоящие «Девять с половиной недель». Я таю в его объятиях, прикинув к нему всем телом, и тут же у него твердеет между ног, и мне трудно дышать.

— Ты говорила, близко живешь?

— А, да, недалеко.

— Можем к тебе поехать?

— Да.

— У меня мотороллер, я взял тебе шлем.

Он снова целует меня. Жар и холод, я как в ознобе. Лихорадочно застегиваю слишком тугий шлем. Чертовы волосы. Я, должно быть, вылитый хомяк, зато чувствую себя на двадцать лет. Нет, на четырнадцать. Никогда еще не возвращалась домой на двух колесах.

Я сажусь верхом у него за спиной и неловко прижимаюсь к ней. Только бы не свалиться. Не выдать, что у меня это в первый раз. Слава богу, темно

и под юбкой ничего не видно. Прижимаюсь крепче. Я счастлива. Самый романтичный момент в моей жизни. «Титаник» отдыхает, у них там по сравнению с нами тихая рыбалка была.

— Ты как? Не замерзла?

Да я вконец околела, вся гусиной кожей покрылась, но мне плевать. Думаю только о том, что будет дальше. Еле сдерживаюсь, чтобы не целовать его спину в пальто. Потом, в тесном лифте, избегаю смотреть в зеркало, хочу себя забыть и вновь прилипаю к нему, ласкаю его джинсы. Он вот-вот взорвется. У двери запускает руки мне под платье — проверяет, наверное. Ягодицы мои как лед, а внутри у меня бушует пламя. Войдя в квартиру, сразу тяну его к спальне, не зажигая свет. Там, в баре, мы едва успели двумя словами обменяться, а сейчас набросились друг на друга, будто давние любовники. Поспешно срываем одежду при желтом свете уличных фонарей. Две тени беснуются в полумраке. Сумерки надежно укрывают меня от его глаз и от моих комплексов. В его руках я стала зомби, жадным до свежей плоти, желание сжигает меня, по жилам проходит ток. Я трусь об него, согреваясь мужским теплом, все во мне искрится от наслаждения. До чего же прекрасно ощущать себя живой! Не могу оторваться от его мягкой кожи, от его щекочущих волосков, от его горячего, жилистого, мускулистого, закаленного походами тела. Чувствую касание твердого пениса. Он великолепен! Слегка влажный и подрагивает от моих прикосновений, а Эрик испускает тихий стон. Мне нравится его пенис, такой нежный и прекрасный. Хочется его согреть, трогать, ласкать, целовать, заглывать, выпитывать, любить... Медленно тянусь к нему губами. Пенис Эрика завораживает меня, мне его так не хватало. Не думая ни о чем, глажу его щекой, губами, всем лицом. Эрик стонет громче и громче, а я забыла о нем, вижу и слышу только пенис, лижу его, чуть касаясь, целую, пробую на вкус — он отдает соленым попкорном. А потом я кидаюсь на него, словно охваченная безумным голодом, животным чувством. Хочу, чтобы он заполнил мой рот целиком, заслонил мне весь мир. Теперь слышны уже мои стоны. Я дошла до стадии полного одичания. Эрик накрыл лицо подушкой и глухо хрипит в гусиное перо. С удивлением замечаю, что моя кожа покрылась тонкой пленкой пота. Я занимаюсь любовью, как в первый и в последний раз. Как нимфоманка.

— Иди ко мне, — шепчу, изнемогая, — иди ко мне.

Эрик выныривает из-под подушки, опрокидывает меня, поднимает мне ноги и входит. Наконец-то! Я полна им до краев, я теперь не одна. Кончив, он вытянулся рядом на постели и нежно положил мою голову себе на грудь. По щекам у меня тихо потекли слезы, будто из прохудившегося

крана, тонкой непрерывной стружкой. В носу защекоotalo, я не выдержала и всхлипнула.

— Все хорошо? — встревожился Эрик, заглядывая мне в лицо.

— Да. Извини. Я слишком чувствительна.

— Понимаю. А знаешь, так здорово было.

И вот тут я раздражаюсь рыданиями. Выплескиваю все, не могу остановиться. Эрик растерян, не знает, что делать, и крепче прижимает меня к себе. Волна эмоций разрушила мои плотины и затопила его.

— Прости, — выдавливаю из себя, — сама не пойму, что со мной.

Зато понимаю, что испортила вечер, который до сих пор складывался неплохо, и от этого совсем теряюсь, захлебываюсь плачем. Бедняга Эрик похлопывает меня по спине и повторяет, что все хорошо, демонстрируя, таким образом, насколько все плохо. «Как же было здорово», — твердит он. И чем больше он меня утешает, тем сильнее я плачу. Кажется, он первым из нас уснул.

А я, прежде чем забыться, думала о папе.

Веди себя хорошо. Успокойся. Не вертись. Убери локоть со стола. Не дергайся. Не болтай ногами. Не бегай. Не прыгай. Не шуми так. Не выделывайся. Не дури. Будь умницей. Прекрати этот глупый смех. Хватит строить рожи. Перестань. Замолчи. Иди к себе. Поешь, когда я разрешу.

И только слов любви он никогда не говорил мне. Все мое детство было увешано такими вот маленькими замочками. Но сегодня, папочка, я не вела себя прилично и спокойно. Я дергалась и даже шумела. Я изголодалась и заглотила мужчину целиком. Потому что мне так захотелось. Имею право. Отныне всегда буду делать что захочу.

Наутро Эрик оставил мне записку перед уходом. Поблагодарил за чудесный вечер, выразил надежду, что мне уже лучше, и обещал вскоре позвонить.

Вскоре — это когда? Я даже не успела дать ему свой номер телефона. И на Фейсбуке меня нет. Может, он справится у Лоры?

Странно, у меня что-то стекает по ляжкам... Сперма. Мы в пылу как-то проскочили стадию презерватива. Я не в обиде, наоборот. Тем более нет ни малейшего риска забеременеть или подхватить ЗППП. Все равно умру раньше. И я не спешу отмыться, я хочу подольше сохранить следы его проникновения. В меня проник мужчина, это был не сон. Я занималась любовью. Посреди рабочей недели, да.

— Чем занималась вчера?

— Любовью.

Я вновь прокручиваю все вчерашнее кино в голове. Как я вышла из

дома, как добралась до переполненного бара, как он похлопал меня по плечу. И как я произнесла первую дурацкую фразу: «Ты меня узнал?» А то нет, идиотка! И как я слишком быстро выпила первый бокал «пино нуар», который вскружил мне голову. И, конечно, тот эпический ляп «я без белья». Язык мой — враг мой. Я пошла ва-банк. Он мог притвориться, что не расслышал или недопонял. Мог соврать, что ему надо срочно позвонить или пойти переставить машину. Но нет. Он поцеловал меня в шею.

Словно влюбленный подросток, втягиваю носом запах его подушки. Это не сон, вчера здесь был мужчина. «Его подушка» — как будто она в самом деле ему принадлежит. Как будто он может вернуться. Пытаюсь вновь пережить то ощущение полноты, представить, что он все еще во мне. Я была счастлива, упоена, а секунду спустя разрыдалась от потрясения. Ревела белухой. Дала волю чувствам наконец. Слишком было хорошо, слишком много во мне накопилось. Не выдержала напряжения, как фигуристка, которая идеально выполняет тройной аксель и ошибается на выезде. Я потерпела очень эффектное фиаско. Не видать мне золотой медали, не видать мне второго свидания.

Дохлый номер. Дохлый, как я.

Отправляю Лоре смс: опоздаю, приду после обеда. Воображаю, как она, дрожа от нетерпения, ждет у лифта, чтобы наброситься на меня гиеной, и не могу собраться с духом для встречи с ней. Особенно после вчерашнего появления в домофоне. Меньше всего мне хочется делиться с Лорой впечатлениями сексуального характера. «А насчет трусов ты была абсолютно права, я вся горела, а у него чуть штаны не треснули, мы прозанимались сексом до утра, я теперь еле хожу!» Вот так, вероятно, обсуждают эти дела «подружки». Но Лора не подружка мне, она моя ассистентка. И хоть нельзя не признать, что без нее у меня просто не было бы никакого свидания и никакого Эрика, я, тем не менее, не обязана с ней откровенничать. Все эти воспоминания, картины, объятия, хриплые жаркие вздохи я унесу с собой в могилу.

Ужасно хочется провести целый день в кровати, укутавшись запахом Эрика, но это не лучший план. Пора взять себя в руки. Последние часы были слишком насыщенными, и мне надо вернуться в свою колею. Эрик, конечно, не позвонит, да и пусть. Он дал мне то, чего я хотела — последнюю ночь любви, как лебединую песню. Мое тело хоть ненадолго, но воскресло, и я увидела, какую жизнь могла бы прожить в какой-нибудь другой жизни. Разрешив себе в качестве поблажки не менять на кровати белье, я иду в душ.

На работе я появляюсь в состоянии абсолютного покоя и

безмятежности. Как и предполагалось, при выходе из лифта меня встречают глаза Лоры.

— Привет, Сильви, тебе уже лучше?

В буддийской своей невозмутимости я оставляю без внимания подтекст вопроса.

— Да, спасибо.

— Лоран хотел с тобой обсудить досье Биссон, я сказала, что ты приболела. Можно сообщить ему о твоём приходе?

— Спасибо, я сама сообщу.

И закрываю дверь кабинета за собой. А потом мне даже хватило самообладания послать ее за кофе. Она, конечно, помчалась.

— Держи. Осторожно, горячий!

— Спасибо, Лора.

— Не за что.

Она явно хочет получить больше. Легкую улыбку, заговорщицкий взгляд, рассказ, анекдот, смачную подробность, сплетню на потеху всей конторе. Но я неблагодарная.

— Да, и спасибо за свидание с Эриком Леженом, он очень мил, я прекрасно провела вечер.

— Здорово! Ну? Ну? И?...

Я себя не узнаю. Смотрю ей прямо в глаза без тени смущения или робости, улыбаюсь, не поощряя дальнейших расспросов.

— И теперь мне надо работать.

Лора понимает, что больше ей ничего не узнать. «Киндер» оказался без сюрприза. Но она умеет достойно проигрывать и уходит, не выдав своего глубокого разочарования. А я бесстрастно погружаюсь с головой в досье Биссон — работы много, надо все успеть до Рождества.

12

— Добрый вечер, Франк.

Я спокойно жму ему руку, смотрю в глаза прямым, как моя спина, взглядом. Я стала другой.

— Добрый вечер, Сильви, как у вас прошла неделя?

— Замечательно.

Какое-то время Франк молчит, изучая меня. Тоже скажет сейчас, что я изменилась. Потому что так и есть. Кстати, он меня больше не волнует. Пусть проводит рукой по волосам сколько угодно, мне все равно. Я получила свою дозу тестостерона. И не такой уж он сексуальный, честно говоря. И этот его африканский декор слишком банален.

— Рассказывайте.

— Мне хорошо. Я много испытала и в физическом, и в эмоциональном плане. Возможно, это не самое изящное сравнение, но меня как будто прополоскали.

— Ясно.

Он чуть заметно кивает, ожидая продолжения.

— Я занималась любовью с мужчиной. Бешено и прекрасно.

Кажется, в его глазах мелькнуло удивление. На миг, но мелькнуло. Хотя последние события моей жизни больше всего удивляют меня саму.

— Под конец я разрыдалась. Поразительно, но даже это мне понравилось. Как бы сказать... Я чувствую легкость, покой, умиротворение. Пожалуй, я готова.

— Хорошо. А почему все-таки вы разрыдались?

— Все было так ярко, так мощно... и очень интимно, хоть мы совсем друг друга не знали. И сразу после этого на меня будто нахлынула огромная волна грусти, она просто обрушилась, я ничего с ней поделать не могла. Сначала испугалась, а потом осознала, что эта волна — настоящий подарок. Она все смела на своем пути. Унесла все мои печали и сожаления. Я готова. Мне даже хотелось бы сократить срок.

— К чему такая спешка? У вас еще месяц впереди, вы разве не хотите увидеть этого мужчину снова?

— Нет. Какой смысл? Лучше быть уже не может, только хуже. Не будет неожиданности, не будет никакой магии.

— А кто сказал, что у вас не будет других прекрасных моментов до

Рождества? Или даже после?

— Не знаю, это больше не интересует меня. Мне сейчас хорошо, хорошо по-настоящему.

— Так почему же вы хотите умереть, Сильви?

— Момент самый подходящий.

— Может, обсудим это в следующий раз?

Теперь моя очередь его изучать. Вижу, он занервничал. Я застала его врасплох. Он выглядит уже не таким уверенным. Ему страшно. Страшно за меня? Или за себя? До сих пор я не задумывалась о том, как моя смерть отразится на его профессиональной деятельности. Видимо, не лучшим образом. Это будет как бы провал. А чего он ожидал-то? Что эти его куклы вуду к жизни меня вернут? Что он меня спасет против моей воли? Да что плохого, если человек хочет сам выбрать себе смерть? Мы все умрем, все сыграем в один и тот же ящик. И сознательно подойти к своей кончине — не более абсурдно, чем попасть под автобус. Или грохнуться посреди улицы с полной сумкой продуктов. И с чего бы моя смерть стала для него провалом? Я умру, не он.

— Вы просите меня об отсрочке?

— В каком-то смысле да.

— Ладно, одна неделя роли не играет. И потом, я еще не закрыла все дела.

— Тогда до встречи через неделю, Сильви?

Так и быть, пожалею его на сей раз. У него такая гора с плеч, что он даже забывает дать мне следующее задание. Допустим, вам осталось жить неделю, что вы сделаете? Я лично вернусь домой и лягу спать.

13

Стою на платформе, жду поезда. Могла бы и пешком дойти, но дождь изменил мои планы. Потокам воды я предпочла спертый воздух метро, от которого меня передергивает. В конце платформы, прямо на полу, лежит кто-то. Да уж, по этому миру я вряд ли буду скучать. Кругом лишь упадок и одиночество. Смотрю на лежащее тело. Как можно до такого дойти? Как можно превратиться из человека в мусор? Подходит поезд, но меня почему-то, словно магнитом, тянет к этой фигуре на полу. Может, все дело в ее неподвижности? Просто куча ненужных тряпок. Я приближаюсь, но бьющий в нос омерзительный запах останавливает меня. Обонятельный барьер ограждает это тело от окружающего мира. Судя по невысокому росту, там лежит женщина, и вид у нее оставляет желать лучшего. Как ни трудно, а надо подойти ближе. Собственные шаги мне кажутся слишком громкими. У женщины грязное лицо с острыми чертами, а возраст не определишь, разве что по седеющим прядям, выбившимся из-под шапки или шарфа. Или это у нее шерстяной шлем? В общем, ей может быть и сорок лет, и шестьдесят. Хрупкая фигура скорее угадывается, чем виднеется под толстым слоем бесформенной, перепачканной и вонючей одежды. Кажется, она ощутила мое присутствие. Глаз не открыла, но как-то оскалилась, лицо превратилось в страдальческую маску. Как будто передо мной лежит раненый зверь. Меня это тревожит.

— Мадам! Вам плохо, мадам?

Моргает.

Сажусь рядом с ней на корточки. Запах мочи нестерпим, меня мутит, и я утыкаюсь носом в кашемировый шарф, надеясь, что она этой бестактности не заметит. Впрочем, деликатность волнует ее меньше всего. Она тихонько стонет, как больной пес, и слабо тянет ко мне руку. Я автоматически ее беру. Она крепко цепляется за меня, это неожиданно, словно ягненок вдруг выпустил когти.

— Хотите, вызову «Скорую» или спасателей? Вам нехорошо? Где-то болит?

Она не отвечает, только еще крепче сжимает мою ладонь своими грязными узловатыми пальцами. Теперь не сбегу, я попала в капкан. Мне противно прикасаться к ней, меня тошнит, но вырвать руку не решаюсь. Еле сдерживаю рвоту. Ее вонь отравляет меня, режет глаза и разъедает

кожу. Свободной рукой набираю номер Службы спасения. А потом, приготовившись долго ждать и не зная, что делать, я начинаю тихонько напевать. Мурлычу песенку в глупой надежде, что она заснет и ослабит хватку. Но шершавая рука все так же сдавливает мои фаланги, будто все оставшиеся силы женщины соединились в этой руке. Я пою для малыша, которым она когда-то была и которого у меня никогда не было. Мало-помалу ее черты разглаживаются. И тут я слышу наконец голос в трубке.

— Да, здравствуйте, тут женщина упала в метро, на станции «Парментье».

— Она дышит?

— Вроде да, она лежит на боку и держит меня за руку, я не могу освободиться. Она живет на улице. И, кажется, чувствует себя неважно.

Это слово не очень подходит, чтобы описать ее муки. Но от волнения мне трудно подбирать слова.

— Не давайте ей терять сознание, бригада выезжает.

— Я стараюсь, хотя она, кажется, уснула. Извините, мне трудно прикасаться к ней, слишком сильный запах.

Я жду, немного стыдясь того, что так мало могу сделать для этой женщины. Смотрю на свою белую руку в ее руке. Надо было взять перчатки. Вырваться нельзя, и меня терзает лишь одно желание — принять дезинфицирующую ванну.

— Мадам! Вы слышите? Спасатели уже едут, они будут с минуты на минуту, они вам помогут, все хорошо.

Да ничего хорошего, а что я могу ей сказать? Только успокаивать.

Увидев на платформе спасателей при полной экипировке, я подаю им знак, как будто они могут нас с кем-то перепутать. К нам подходят два высоких парня, брюнет и метис. Я испытываю невероятное облегчение.

— Добрый вечер, она держит меня вот так уже минут десять, я не решилась бросить ее.

Брюнет присаживается рядом и мягко освобождает из плена мою руку. Она снова принадлежит мне. Он щупает женщине пульс, потом оборачивается к напарнику и качает головой — все кончено.

— Тут ничего не сделаешь, она умерла.

— Что?

Меня как обухом по голове ударили.

— Она умерла несколько минут назад. Сейчас вызовем врача для констатации смерти.

— Как это умерла? Она же держала меня за руку! Она моргала, я говорила с ней, даже песенку ей спела. И она немного расслабилась

тогда...

От потрясения мой голос срывается на писк. Спасатели глядят на меня с сожалением. Такие молодые и уже такие опытные. Вне всяких сомнений, это у них не первый труп.

— Сейчас она определенно мертва, — робко шепчет метис.

Я смотрю на свою руку. Ту, что держала руку мертвой женщины. Позыв уже не унять, отступаю к путям и извергаю рвоту. Меня выворачивает наизнанку.

— Вам плохо, мадам? — спрашивает метис.

А я и ответить не могу, слишком сильны спазмы, и пелена слез застилает глаза. Он на всякий случай отводит меня подальше от путей.

— Ничего-ничего, хотите, мы кому-нибудь позвоним?

Я мотаю головой и беру протянутый им платок. Его напарник вкладывает мне в руки мой мобильный. Хорошо, что контакты в нем наперечет. Без раздумий звоню Франку.

— Алло?

Я рыдаю в трубку:

— Она умерла! Я держала ее за руку, а она умерла!

— Сильви, это вы? Что случилось?

— Франк, можно мне к вам вернуться? Я просто не могу...

И я отдаю телефон спасателю-метису, стоящему у меня за спиной, чтобы он объяснил остальное, сама уже не способна произнести ни слова. Слышу, как он вкратце описывает ситуацию: бездомная умерла в метро, на станции «Парментье», когда я держала ее за руку.

Его коллега в это время укрывает тело женщины. И двух поездов не прошло, как она из кучи тряпок превратилась в труп.

Спасатель отдает мне мобильный и сумку и очень осторожно усаживает на желтое сиденье, чуть поодаль. Как же хочется свежего воздуха, сейчас бы полной грудью вдохнуть...

— Ваш друг обещал скоро приехать, он, видимо, недалеко. Вам лучше?

Опять мотаю головой. Но дыхание стало ровнее. Несколько ротозеев бросают на нас сдержанно-любопытные взгляды, как бы в спешке, и снова утыкаются в свои телефоны.

Второй спасатель приносит мне бутылку воды, купленную в автомате, и батончик «Марс». Как в рекламе: «Марс — добавь удовольствия!»

— Возьмите, вам сразу полегчает.

Быстрее полегчало бы, если б меня кто-нибудь обнял. Но спасибо и за воду — во рту едкий вкус, в горле першит. И слезы все еще катятся. Наконец появляется мой спаситель. Франк почти бежит. Очень

трогательно, что он с такой тревогой спешит ко мне, будто влюбленный. Будто его жизнь висит на волоске. Я еще не видела его в этом темно-синем плаще. Ему идет.

Франк хватается меня за плечи.

— Как вы, Сильви? Держитесь? — Я укрываюсь у него на груди. — Идем, вернемся ко мне в кабинет.

Его прикосновение придает мне сил. Он мягко тянет меня к выходу, прощаясь с моими друзьями-спасателями.

— Спасибо вам, господа! И удачи!

Я покорно иду за ним, не оборачиваясь. Свежий ветер и дождь приносят мне огромное облегчение. Никогда еще парижский воздух не казался таким чистым. Уже темно, но город бурлит машинами и пешеходами, на улицах пульсирует жизнь, она идет своим чередом, шумная и безразличная к своим обитателям.

Вернувшись к Франку, я сразу бегу мыть руки, ошпариваю их горячей водой, чтобы всех микробов убить. Мою долго — вполне могла подхватить какую-нибудь крапивницу, на коже все вылезает быстро. Франк приносит мне чистое полотенце.

Дрожа, падаю на кушетку. Он укрывает меня пледом.

— Хотите, сделаю батареи потеплее? Чаю или кофе вам принести?

— Спасибо, не стоит. Это все от усталости.

— Это шок.

Мне плохо, меня трясет. Совсем недавно на этой самой кушетке я лучилась безмятежностью и теперь чувствую себя круглой душой. Франк ничего не говорит, просто смотрит серьезно и внимательно, готовый принять всю мою боль.

— Я даже не поняла, когда она умерла. Не знаю, зачем вообще подошла к ней. Я ведь не впервые увидела на земле бездомную, к несчастью. В Париже что в метро, что на улицах бомжей всегда полно. Не знаю, почему именно она. Я вышла от вас в прекрасном настроении... А потом как будто услышала ее зов. Радар, что ли, какой у нас, у отчаявшихся? Она дрожала, она мучилась молча, совсем одна, в своем описанном тряпье, никто не обращал на нее внимания. Вонь была жуткая, но я все равно подошла, что-то меня тянуло. И когда она протянула мне руку, я даже не задумалась, тут же ее взяла. Это ведь самая естественная реакция, нет? Разве можно оттолкнуть протянутую руку?

— Сильви, вы потрясены, что нормально, ведь вы видели смерть во всей ее неприглядности. В нашем обществе смерть обычно скрыта от глаз, табуирована, и вдруг та несчастная умирает прямо у ваших ног. Зато

сегодня вы совершили очень благородный поступок. Вы подарили опустившейся женщине немного тепла и участия, возможность уйти по-человечески. Сами того не желая, вы проводили ее в последний путь и попрощались с ней за всех нас. Очень немногие способны на это.

Я слышу его, но почти не слушаю.

Почти всю жизнь я прожила одна и теперь понимаю, что не хочу умереть одна. Хочу, чтобы и меня кто-то держал за руку. Какая разница, где умирать — на платформе метро или дома, в теплой ванне? То же убожество, то же одиночество. Не хочу.

До сих пор я не осознавала, каким унылым будет мое самоубийство. Мне казалось, что ванна с душистой пеной и красивый купальник создадут атмосферу тепла и едва ли не радости. Но нет.

Единственное, чем та женщина отличается от меня, — запах. От меня не пахнет мочой, зато одиночеством разит за километр.

Франк с улыбкой берет мою руку. Я что, машинально ее протянула или это он инициативу проявил? Смерть бездомной изменила правила этикета.

— Сильви, только вы решаете, быть ли вам одной. У вас нет с той женщиной ничего общего, однако вы помогли ей. И это замечательно. Без вас она ушла бы, окруженная всеобщим равнодушием, наедине со своей болью и грязью. Вы хороший человек, Сильви. И я думаю, в каком-то смысле вы уже умерли.

— Что?

— Несколько недель назад вы пришли сюда в очень плачевном психическом состоянии. Вы страдали. Но той Сильви больше нет. Я вижу перед собой не страдающую женщину, а возрожденную. В глубине души вы изменились и даже не понимаете, насколько. Умереть можно и в символическом смысле — вы живое тому доказательство. Та Сильви, которой вы были все сорок пять лет, скончалась. Вы умерли, чтобы родиться заново.

Слезы тихо ползут у меня по щекам. Каждое его слово эхом отдается во мне, но я уже не знаю, что думать. Не знаю даже, кто я. Просто усталая женщина. Я ложусь на кушетку. Кажется, все мои вещи пропитались запахом бездомной, а может, это смерть въелась в кожу.

— Спасибо, Франк, мне бы немного поспать...

— Я вам вызову такси.

— Не беспокойтесь, я не поселюсь у вас на кушетке, просто дам отдохнуть глазам.

Передо мной снова всплывает помятое лицо женщины без имени и возраста. Узнаем ли мы, кем она была? Отмучилась... Жила на улице и

умерла в подzemке... Но хоть не собачьей смертью — благодаря мне.
Похоже, я сегодня потеряла психотерапевта и нашла друга.

14

Просыпаюсь в своей кровати, одетая. Абсолютно не помню, как оказалась здесь. В голове черная дыра, будто я вышла из комы. Или перенесла маленькую смерть — так сказать, репетиция перед роковой датой. Только сердечный и ободряющий голос Франка звучит в ушах. Это он меня сюда привез? Он, конечно. Трудно представить его в моей квартире, в моей спальне. Нет, не трудно — невероятно, просто фантастика. К реальности меня возвращает воспоминание о покойнице. Как ее забыть? Как забыть ее ужасный запах? На часах половина восьмого; у меня, наверное, встроенный будильник внутри. Я подскакиваю. Поскорее все снять с себя, постирать, а лучше выбросить, чтобы вместе с одеждой испарились и кошмарные картины, переполняющие мое сознание. Бегу в душ. Надо немедленно смыть эту грязь, и я ожесточенно трусь парфюмированным мылом. Поскорее отмыться, поскорее прийти на работу, увидеть людей, поговорить. Я все еще жива. «Возрождение», — сказал бы Франк. При мысли о нем я невольно улыбаюсь.

В офисе Лора уже всю болтает с другими ассистентками Нелли и Корин — они вместе ходят на зумбу. Нелли — крашенная блондинка, а пышка Корин вечно сидит на диете.

— Тебе принести кофе? — предлагает Лора.

— Нет, спасибо, я с вами тут попою, если позволите.

Они смотрят на меня так, будто у меня все тело покрыто непристойными татуировками.

— Конечно, мы только рады, — спохватывается Лора.

— Да-да, пожалуйста, — вынуждена поддержать ее Нелли.

Недоумение в их глазах трудно скрыть. Что ж, неудивительно. Все эти годы я с ними почти не говорила. Большую часть времени проводила у себя в кабинете, встречая их разве что в туалете или в коридоре. Я была призраком третьего этажа.

— Со мной вчера такой ужас в метро приключился...

— Ох! На тебя напали? — чересчур театрально пугается Корин.

— Нет, я увидела бездомную женщину...

Они откровенно разочарованы.

— Тоже мне ужас, — перебивает Лора, — бомжей на каждом углу полно.

— Да, но она умерла у меня на руках.

— Что?! — кричат они все хором.

— Ну, не буквально на руках, просто я поняла, что ей плохо, и взяла ее за руку, и пела ей песенку, пока ждала спасателей, а она умерла.

— И что ж за песенку ты пела? — смеется Нелли.

Мне хочется врезать ей и повыдирать цыплячьи патлы.

— Не знаю, так, просто напевала что-то. Хотела утешить ее.

— Кошмар какой! — восклицает Корин с омерзением.

— А знаешь, Жан-Марк вообще видел, как человек прыгнул под поезд, вот где кошмар! Он из-за этого на два часа опоздал, пришел злой как черт. Говорит, не мог он, что ли, дома удавиться?

— Надеюсь, ты все прививки делала? У тебя же теперь может быть столбняк или еще какая-нибудь гадость. Мало ли где шляется такой народ.

Корин продолжает стремительное падение в моих глазах. Мне уже хочется сделать прививку от ее глупости.

— Но ты как, ничего? — прощупывает меня Лора.

— Да ничего. Хорошо, что там мой друг живет неподалеку, но меня это, конечно, выбило из колеи.

Судя по глазам Нелли и Корин, они ждут какого-то финального аккорда, эффектного комментария, но мне больше нечего добавить. Разве что выплеснуть им в лицо свой кофе и объяснить, что у меня аллергия на идиотизм.

— Ладно, пойду, надо работать.

И я ухожу в кабинет, проклиная себя. А чего я ожидала? Что мне вручат медаль? Пропеют оду моему благородству? Пронесут меня на руках над кофейным автоматом? Нет. Я ждала хоть капли сочувствия той женщине. После вчерашних слов Франка, таких деликатных и вдохновляющих, их равнодушие подействовало на меня, как холодный душ. Из-за дефицита общения я совсем забыла, какими люди бывают глупыми.

Две минуты спустя в дверь стучит Лора.

— Можно войти?

— Ну... да.

— Все нормально?

— Нормально, это ведь не я умерла.

— Слушай, тут Эрик Лежен спрашивает, можно ли тебе позвонить. Ты уж прости, что я опять выступаю посредницей, но у него, похоже, нет твоего телефона. Что ему передать?

— Дай мне его номер, я сама позвоню.

— Хорошо, сейчас же пришло.

— Спасибо. Дверь закрой, пожалуйста.

Вижу, она хочет за что-то извиниться, сама не понимая за что. А я невольно радуюсь — Эрик объявился! Он хочет еще раз увидеть меня. Дает шанс реабилитироваться. Уверена, он думал обо мне больше, чем я о нем. Не знаю пока, что мне с этим делать, слишком непривычно все, обдумваю эту информацию позже.

Через некоторое время приходит смс от Франка. Он хочет знать, все ли у меня хорошо, выспалась ли я и пришла ли в себя от вчерашнего потрясения. До чего трогательно, что все эти мужчины беспокоятся обо мне! Значит, я и вправду существую? Спешу успокоить его: «Да, Франк, все в порядке, спасибо, что поддержали меня и отвезли домой, я уже на работе». Что еще написать? LOL? ^[3]

Нет, ну какой еще LOL. Сразу видно, что я не в себе, раз вообще задаюсь подобным вопросом. Не знаю, что сказать, не знаю, что написать... Пршлый вечер кажется абсолютно нереальным, как дурной сон. Но если подумать, лишь в одном я могу быть уверена: LOL — это не про меня. LOL не имеет никакого отношения к моей жизни, а к последним событиям тем более.

«У меня есть окна сегодня и завтра вечером, не хотите провести последний сеанс за бокалом вина? Удачного дня!»

Перечитываю снова и снова. Нет, это не галлюцинация. Франк, мой психотерапевт, или теперь уже мой друг, приглашает меня выпить вина. Можно ли это считать флиртом? Я вспоминаю, как он бежал ко мне в своем синем плаще, который выгодно оттеняет его волосы и глаза. Красив, равнодушен и даже встревожен. Как он укрыл меня в своих объятиях! Как потом держал мою руку в своей! А что было дальше? Не выдумывай, Сильви. Он примчался, потому что ты позвонила в панике и была всего в трехстах метрах от его дома. Ну и спасатель наверняка добавил черной краски: «Скорей, ее наизнанку выворачивает, она сейчас прыгнет под поезд!» Однако он и сейчас волнуется за меня. Думает обо мне. Хочет встретиться, убедиться, что я в порядке. Я не выхожу у него из головы. Я присутствую в его мыслях. Я вызываю тревогу и сочувствие, но не жалость, нет. Я существую.

«Давайте сегодня. В семь?»

«Отлично, в семь у меня в кабинете. До вечера».

Надо признать, что руки у Франка влажные. А вот у Эрика мягкие и теплые. Зато у Эрика нет роскошных волос цвета соли с перцем, у него в принципе нет волос, но у него есть мотороллер, и в сексуальном плане мы друг другу подходим. Пенис Франка мне видеть не доводилось, а пенис

Эрика мне очень нравится. Я бы с ним поиграла еще. Позвоню прямо сейчас, пожалуй. Отважно набираю номер, который Лора поспешила мне прислать. С первым гудком сердце у меня бешено заходится, я хочу, чтобы он взял трубку и одновременно боюсь этого. Не знаю, хватит ли у меня смелости сказать: «Привет, ты уже пришел в себя после моего Ниагарского водопада?» У него включается автоответчик — гора с плеч. Я слышу его голос и улыбаюсь.

— Добрый день, вы позвонили Эрику Лежену, в данный момент я не могу ответить, но обязательно вам перезвоню, если вы оставите свои координаты. Биип.

— Здравствуй, Эрик, это Сильви, Сильви Шабер... Лора сказала, что ты хотел связаться со мной, вот я и решила позвонить. Думаю, мой номер у тебя определился, до скорого!

Тут мне закрадывается подозрение: а не подслушивает ли в коридоре моя ассистентка? Я не так уж часто говорю по телефону, и меня наверняка слышно за стеной. Она, должно быть, от души посмеялась над моим убогим сообщением. Я старалась говорить естественно-радостным тоном, но писклявый голос загубил всю затею на корню. Я никогда свой голос не любила. Впрочем, я вообще мало что любила в себе. Вспоминаю, как фальшиво пела вчера для умирающей, и думаю, что Корин смеялась надо мной не зря. Мало было покойнице мук при жизни, чтобы еще скончаться под такое пение.

Кстати, где она сейчас? Я забыла спросить спасателей, куда ее увезут. Может, у нее была семья, дети и надо им сообщить? Где ее похоронят? Как я могла не поинтересоваться этим? Звоню спасателям, у них наверняка сохранилась информация о вчерашнем вызове. С нетерпением дожидаясь ответа оператора, я рассеянно скользя взглядом по доске Биссон. Что-то меня совсем не тянет им заниматься сегодня... А ведь я впервые в жизни задумалась о том, хочется мне работать или нет.

Наконец в трубке раздается мужской голос:

— Служба спасения, слушаю вас.

— Добрый день, мсье, я хотела бы узнать, куда вчера вечером отвезли женщину. Я вызывала спасателей к бездомной женщине на станцию метро «Парментье», в одиннадцатом округе.

— В котором часу, мадам? Видите ли, мы получаем тысячи вызовов.

— Не сомневаюсь. Это было примерно в девятнадцать сорок пять, женщина умерла у меня на руках. Ваши коллеги констатировали смерть, они были очень внимательны ко мне, даже помогли вызвать моего друга, но я не спросила, что они сделают с телом женщины. Где ее похоронили?

— Не вешайте трубку.

Внезапно меня охватывает желание горы свернуть ради нее. Я ее не знала и, честно говоря, в иных обстоятельствах могла бы вовсе не заметить, но сейчас между нами возникла тесная связь. Я подвела ее к воротам смерти, а она меня — к воротам жизни. Как на стометровке, она передала мне эстафету и теперь отдыхает, пока я бегу дальше. Живу дальше.

— Алло, мадам?

— Да?

— Покойную отвезли в морг больницы Сен-Луи.

— Меня пустят посмотреть на тело?

— Да, только надо будет там, на месте, представиться.

— Спасибо, мсье.

— Всего доброго, мадам!

Он возвращается к более срочным делам, а я откладываю в сторону все свои досье, чтобы съездить в больницу Сен-Луи. Погребение этой женщины — моя забота. Ей повезло, необходимый опыт я уже приобрела. Поспешно выхожу из кабинета.

— Лора, мне звонили из больницы, нужно там заполнить всякие документы, если меня будут спрашивать, скажи, ушла к врачу, хорошо?

Лора несколько ошарашена.

— Ты заболела? — беспокоится она.

— Нет, это из-за той вчерашней женщины, меня вызывают в качестве свидетеля, надо съездить.

— Вон оно что!

— Да, только это между нами, смотри, не разболтай Нелли и Корин, у них полно других тем для сплетен.

Лора, кажется, удивлена моей неожиданной прямоотой не меньше меня: с каких это пор я стала так безапелляционно высказывать свое мнение? Быстро иду к выходу, нацепив как никогда деловое и занятое выражение лица. На улице хватаю такси, в метро меня больше не тянет. Жизнь приобретает какой-то авантюрный оттенок, хоть морг и не самое романтическое направление. После смерти папы видеть не могу больницы, но сейчас если не я, то кто? В попытке поймать такси выхожу едва ли не на середину проезжей части улицы Лафайет, благо в такой час движение не слишком оживленное. Не раз рискую попасть под машину, разъяренный лихач припечатывает меня лапидарным «Дура!», но я никак не могу избавиться от ощущения жуткой срочности: надо успеть к этой женщине любой ценой. Конечно, она никуда не спешит, но ведь я ей необходима.

Или она мне. Наконец одно такси милостиво тормозит рядом.

— Здравствуйте, мсье, мне в больницу Сен-Луи!

— Могли бы запросто на «Скорой» туда добраться, вы же стоите прямо посередине дороги, хотите под машину попасть?

— Я очень спешу!

— Да уж я понял.

— Высадите меня у морга, пожалуйста.

Таксист вскидывает на меня любопытные глаза в зеркале заднего вида. Он расплывается по водительскому сиденью, отовсюду выпирают жировые складки, и я чувствую гнусный запах, исходящий от него. Без сомнения, этот человек тоже терпеть не может больницы. Однако, учитывая некоторый лишний вес, или лучше сказать — патологическое ожирение, я предполагаю, что один визит к врачу не причинил бы ему вреда. Он пышет не здоровьем, а холестерином. Вон как потеет в своем поло размера XXL, хоть на дворе ноябрь.

— Ничего, если я приоткрою окно, глотну свежего воздуха?

— Надеюсь, вас не вытошнит у меня в машине?

А еще говорят, что все толстяки — жизнерадостные оптимисты.

— Нет, не волнуйтесь, я просто хочу воздухом подышать.

Взгляд таксиста в зеркале стал опасливым, как будто простое желание открыть окно является грубым нарушением его частного законодательства. Я утыкаюсь в телефон, чтобы не вызывать подозрений. К счастью, ехать недалеко. Я заранее готовлю деньги за проезд, чтобы ни одной лишней секунды не дышать этими флюидами. Довольно тяжелых испытаний для моего носа. Как только мы подъезжаем к больнице, тут же выскакиваю.

— Ну, примите, что ли, соболезнования, — бросает он мне в окно.

— Спасибо, вы тоже!

Вхожу. В приемном покое мне сочувственно указывают путь к моргу, который располагается этажом ниже, в подвале. Я сама еще толком не знаю, зачем пришла, просто хочу приблизиться к ней, к этой безымянной бездомной женщине. На выходе из лифта меня встречает дама в белом халате. Думаю, посетители к ней нечасто заходят.

— Могу я вам помочь?

Прекрасное выражение, особенно в этих стенах. У той, что любезно предлагает мне помощь, глаза, как у спаниеля, и волосы, как мочалка. В общем, она мне сразу понравилась. В ее облике нет ничего отталкивающего, наоборот.

— Да, спасибо, я ищу тело, тело женщины, его вчера доставили к вам в морг. Бездомная из метро.

— Вы ее знали, вы родственница?

— Нет, но я была с ней в последние минуты.

Фраза чересчур высокопарна, особенно если вспомнить эти последние минуты.

— Я поняла, о ком идет речь. Она здесь, только при ней не было документов, и мы не знаем, кто она. Жаль, что вы не из родни, помогли бы ее опознать.

Она изучает меня сквозь очки, и я внезапно понимаю, почему у нее такой усталый вид. Все это ложится грузом ей на плечи — новые и новые покойники, их родные, их горе, боль, а порой и одиночество, от которого никуда не деться.

— Можно мне ее увидеть? Я бы хотела побыть с ней наедине.

Кажется, женщине приятна такая просьба.

— Идемте.

И мы двинулись по длинному лабиринту коридоров, в рассеянном свете ламп, сквозь больничные недра. Там, наверху — пока живые, здесь, под землей — уже умершие. Мои шаги гулко отдаются в тишине, а ее кроксы жалобно скрипят о линолеум. Она заводит меня в помещение, которое чем-то напоминает холодильную камеру какого-нибудь ресторана, если забыть, что мы в больнице, и сверяется с именами на карточках. В этих камерах хранятся мертвые тела, как охлажденное мясо.

— Не ошибиться бы...

Мне даже как-то неловко дышать среди всех этих мертвецов. Сколько их там, за дверцами? Сколько судеб окончилось тут?

— Вам будет нелегко ее узнать, тело доставили не в лучшем состоянии, мы долго приводили его в порядок. Увидите, как она изменилась. Не знаю, что вы собирались сделать для нее, но всю ее одежду мы сожгли. Если никто не принесет другую, придется хоронить в больничном халате.

Она открывает камеру, выдвигает алюминиевую полку. Я вижу крохотное тельце, будто усохшее под белой простыней. Освободившись от кучи грязных тряпок, вчерашняя бомжиха приобрела человеческий облик, будто красавица показалась из-под маски чудовища. Ничто в ней не напоминает о том диковинном зверьке, который тихонько поскуливал в метро. Упокоилась ли она с миром? Трудно сказать. Такая маленькая, она даже на этой узкой полке теряется. Оттиск этого лица навсегда сохранится на моей сетчатке, я не смогу ее забыть. Стою, не в силах пошевелиться, как и она. Сотрудница морга чувствует мое волнение.

— Мы уже сделали вскрытие, чтобы установить причину смерти — у нее был рак в последней стадии, метастазы повсюду.

— Она, верно, очень мучилась, — в ужасе шепчу я.

— Я вас оставлю, но буду недалеко, зовите, если понадобится. И можете не торопиться.

Она уходит, скрипя кроксами. А мне-то казалось, что эти уродливые тапки годятся только для пляжа.

Я немного робею при виде лежащей передо мной женщины и ее лица без грязной маски. Открытыми глазами она, словно гигантская кукла, уставилась в потолок. Странно, глаза были закрыты, когда я в последний раз ее видела — еще при жизни, то есть на пороге смерти. У нее светлые глаза и выступающие скулы. Выглядит моложе, чем вчера. Возможно, она приехала из Восточной Европы, или у нее просто славянские корни. Кто она? Как она там оказалась? Мы встретились меньше суток назад, но стали очень близки. Она в каком-то смысле заняла мое место в этой холодильной камере. Хотя нет, мое свободно. Комок в горле поднимается все выше, первые слезы опадают тихо, как осенняя листва. Такое маленькое тело и такое огромное одиночество! Я окоченела. И ей тоже наверняка холодно, надо ее одеть. Я выхожу и рядом с лифтом отыскиваю женщину-спаниеля.

— Вы закончили?

— Да, спасибо. Приятно видеть ее такой, ну, в смысле, чистой.

— Мы всегда стараемся придать достойный вид людям, которые все потеряли в жизни. Труд нелегкий, в него душу надо вкладывать. Это важно и для родных, и для нас самих. Да, мы привычны к смерти, но не равнодушны.

Прямо не знаю, что и сказать. Мы смотрим друг на друга, и молчание не тяготит нас.

— Что теперь с ней будет? Сколько вы ее здесь продержите?

— Шесть дней, при условии, что будет место. Потом, если никто не объявится, ее похоронят на кладбище Тиэ, там выделен участок для тех, у кого нет семьи, ничего нет.

— Я принесу ей одежду.

— Хорошо. Меня может не быть, но я оставлю записку сменщице.

— Спасибо, мадам. Спасибо вам за все!

Двери лифта закрываются за мной. Размышления о скорбной работе этой женщины грубо прерывает урчание у меня в животе. Я проголодалась. Желудок мой не может похвастаться уважением к смерти. Очень велик соблазн забежать в больничную кафетерий и съесть крок-мсье, только бы никто на сей раз не удосужился испортить мне аппетит. Знаю по опыту, что больные, не прикованные к постели, обожают прогуливаться у кафетерия. В больнице и такое развлечение — роскошь. Выйти из палаты в буфет или

в газетный киоск — все равно что сходить в кино или театр. Это само по себе событие. А я до дрожи боюсь иголок, и вид простой трубки, торчащей из вены, вызывает у меня тошноту. Папа, когда умирал, был исколот весь, живого места не осталось. Мне напрочь отшибало аппетит от такого печального зрелища. Нет, лучше потом съем сэндвич где-нибудь в другом месте. А пока спешу на улицу Монторгей, чтобы нарядить мою незнакомку во все самое мягкое и дорогое; конечно, мне это доставит больше радости, чем ей, а с другой стороны — как знать? Хватаю последнее такси на стоянке у больницы и с наслаждением опускаюсь на кожаное сиденье комфортного седана. Ноздри мне щекочет аромат синтетической ванили, в этом мне видится знак. Молодой внимательный шофер, кажется, понял, что я не склонна вести беседу: спросив, не слишком ли громко играет музыка, какую радиостанцию и какой маршрут я предпочитаю, он погрузился в благоговейное молчание, так что тишину в машине изредка нарушало только тиканье поворотников. Удивительно, как меняется облик Парижа, когда видишь его из разных такси. К любимому бутику я подъезжаю уже почти успокоенной. Чувствую себя кораблем, заходящим в родной порт. Продавщица та же, с той же красивой улыбкой, так же готова услужить. Скоро мы начнем целоваться при встрече.

— Добрый день, как поживаете?

— Прекрасно, спасибо!

Я улыбаюсь во весь рот, как будто меня никто не ждет в больничном морге. Мне в самом деле приятно видеть ее. Знаю, что могу полностью на нее рассчитывать.

— Вы тут рядом работаете? — интересуется она, складывая свитера. Ей, разумеется, любопытно, с чего это я так зачастила.

— Нет, но я люблю здесь гулять, а у вас столько красивых вещей...

— Я могу вам чем-то помочь?

— Да, на этот раз хочу купить что-нибудь для подруги. Нужен теплый, мягкий костюм и один из ваших кашемировых шарфов.

— Какой у подруги размер?

— Наверное, тридцать шестой, она такая миниатюрная.

— У меня есть очень красивые твидовые брюки...

— Я полностью доверяю вашему выбору. Главное, чтобы ткань была теплой и нежной, а одежда — красивой и удобной, вот и все мои требования.

— Слушайте, такие покупатели, как вы, — это просто подарок!

Мы обе смеемся. Меня накрывает эйфория, я счастлива сотворить доброе дело, подарив моей бездомной немного комфорта и достоинства.

Продавщице лучше не знать, что вещи, которые она подбирает так тщательно, очень скоро окажутся в гробу и пойдут на корм червям. В этом дорогом бутике, в этом шикарном историческом квартале смерти нет места. Время здесь измеряется коллекциями «лето-осень-зима» и наполняется только удовольствием и элегантностью. Она показывает мне красивые брюки из твида мышинного цвета, черный, как уголь, свитер и чудесную блузку из белого шелка.

— Я выбрала самые нежные материи для вашей подруги. Но если боитесь, что ей не подойдет, можете купить подарочную карту без указания суммы, и с ней она сможет обменять вещи в любом из магазинов нашей сети. Список адресов напечатан на карте.

Самое обычное предложение, но у меня от него сжимается сердце.

— Я не сомневаюсь, что ей все подойдет. У нее, как у меня, стиль безыскусный, она останется довольна. Спасибо.

— Как бы там ни было, я готова все поменять и без билета, если вы придете с ней. Пятьсот семьдесят евро, пожалуйста.

Я, не моргнув, протягиваю кредитку. Это не деньги на ветер, нет. Покойница дала мне второй шанс, я у нее в долгу и хочу сделать ей прощальный подарок.

Уже почти три часа, надо перекусить — восстановить силы, а в больницу Сен-Луи съезжу завтра. Хочу навести порядок в голове, у меня же свидание с Франком вечером. Солнце сверкает, я поднимаю глаза к небу с белыми облачками, оно такое красивое, умиротворяющее... Надо почаще любоваться им. Растроганно-счастливая, иду к автобусной остановке. Хочется бродить, впитывать в себя все вокруг, наблюдать за людьми, за живыми людьми, в которых бьется сердце Парижа.

15

Ровно в семь я стою на лестничной площадке, которая, кажется, знакома мне всю жизнь, и звоню в дверь. Франк открывает ее широко, я вижу, что он рад и взволнован. Маски сорваны: передо мной уже не психотерапевт, а просто мужчина, это лишь добавляет ему очарования в моих глазах.

— Добрый вечер, Франк.

— Добрый вечер, Сильви, проходи.

Он уже перешел на «ты», что дальше — поставит меня на четвереньки? На ту самую кушетку, где я заново прожила свою унылую жизнь в мельчайших подробностях? Лихорадочно вспоминаю, какие трусы надела утром. Надеюсь, не самые уродливые, или, того хуже, дырявые.

Не без удивления вижу, что он накрыл низкий столик у кушетки: меня терпеливо дожидается белое вино с зелеными оливками. Раньше мне полагался только стакан воды и коробка бумажных платочков. Весь наш кодекс летит к чертям.

— Я подумал, что лучше всего выпить по бокальчику прямо здесь. Тем более что сегодня моя очередь исповедоваться, — веселится он. — Ничего, что я на «ты»?

— Да ничего... Нет, все отлично, хотя я пока не очень понимаю, к чему нас приведут подобные перемены. Меня слегка тревожит столь резкое сближение.

— Давай мне пальто и располагайся.

Господи, только бы трусы были без дыр.

На Франке сегодня красная фланелевая рубашка, которой я еще не видела, и застиранные джинсы — весьма неформальный стиль. Очки в черепаховой оправе придают ему интеллигентности и сексуальности, он само совершенство. Просто не верится, что он за мной ухаживает, что такой мужчина прикладывает столько усилий ради такого ничтожества. Может, это у него контрперенос?

— Как ты себя чувствуешь после вчерашнего?

— Знаешь, неплохо, учитывая обстоятельства. Кстати, спасибо, что отвез меня домой, я все-таки уснула у тебя на кушетке, позорище!

— Это нормально.

Я краснею, воображая, как он несет меня на руках: все мышцы

напряжены, моя голова лежит у него на груди, мое тепло сливается с его теплом... И я проспала все эти волнующие минуты!

— В общем, я была совсем без сил, потому и спала как убитая. Видимо, это мне и помогло. А сегодня я съездила в больничный морг, повидать ту женщину. Они там ее отмыли, она совсем другая без тех тряпок, ну, лохмотьев, не знаю, как это назвать. В общем, она выглядела куда лучше, если так можно выразиться.

Понимаю, все это жалкий лепет, но я же волнуюсь: взять и ни с того ни с сего перейти со своим психотерапевтом на «ты» — нелегкое испытание, и я сейчас делаю первые шаги, неуклюже, будто младенец. Он подает мне бокал белого вина, я смачиваю губы ради приличия. Почему мы сидим здесь и пьем вино, как друзья или будущие любовники? В последнее время все так быстро меняется, что я уже ничего ни в чем не понимаю.

— Молодец, что решилась туда поехать. Это снова делает тебе честь. Я дам координаты своего коллеги, мы с ним уже говорили о тебе, в общем, я все предусмотрел, не беспокойся.

Я улыбаюсь, делая глоток прекрасного «кото-дю-лайн», и с преувеличенным интересом разглядываю этикетку, чтобы скрыть смущение. Может, он даже поцеловал меня, спящую, пока нес на руках?

— Буду предельно честным, Сильви: я пригласил тебя не ради флирта. Не хочу, чтобы ты заподозрила у меня какие-либо сомнительные намерения. Я просто хотел поговорить, рассказать о себе то, что известно очень немногим.

Я глупо смеюсь, пытаюсь сгладить неловкость. Пусть лучше у меня будет глупый вид, чем разочарованный. Потому что я разочарована.

— Сегодня мой черед излить душу. Меня тоже потрясло то, что произошло вчера. Именно поэтому я не смогу больше тебя консультировать и сейчас объясню причину.

Не издаю ни звука, жду продолжения, как настоящий психотерапевт. Я прошла хорошую школу.

— Меня неспроста так тронуло то, что с тобой произошло, и то, что ты сделала. Ты должна знать: мой отец — бомж. То есть был им.

Теряю дар речи. Повторяю эту фразу про себя, чтобы ее осмыслить. Как мужчина, психолог, настолько уравновешенный и даже флегматичный, излучающий такую уверенность и сексуальность, может быть сыном опустившегося человека, живущего в картонных коробках? Незаметно выплевываю косточку от оливки, боясь подавиться ею. И молча смотрю на него: что тут еще добавить?

— Сама понимаешь, этим трудно гордиться, особенно когда ты совсем

юнец и ищешь пример для подражания. Я всегда стыдился отца. Меня до сих пор это гложет; вот я поделился с тобой, и на душе гораздо легче. Я не смог сделать для собственного отца то, что ты сделала для той женщины. У нас были очень сложные отношения, он был психически нездоров и ушел, бросив меня совсем ребенком, оборвал все связи с семьей. Я рос с этой тайной и страдал от нее. Сама тема была для меня табу. И я часто чувствовал себя ужасно одиноким.

Я взволнована его признанием до слез. Ошарашена, потому что никак не ожидала такой откровенности. И почти напугана тем спокойствием, с которым он говорит о страшных вещах. Слова застряли в горле, я вынуждена откашляться.

— Давно его не стало?

— Лет десять назад. Оказалось, он скончался за несколько дней до того, как его нашли. Мой отец был алкоголиком, как многие бездомные, и умер прямо на земле, валялся у входа в метро, как мусор.

Пытаюсь осознать его слова, представить, что он пережил тогда. Но не могу, в голове не укладывается. Однако признаюсь — семейная история делает его еще более трогательным и неотразимым.

— Я вроде как отгородился от этой части своей жизни и думал, что решил проблему окончательно, а вчера все вернулось. Как было бы чудесно, если б ему встретился перед смертью такой человек, как ты. Вот о чем я хотел тебе сказать.

Франк встает и обнимает меня, горячо и крепко. На секунду мне кажется, что он сейчас одарит меня страстным поцелуем и опрокинет на кушетку из магазина «Абита». Не самый плохой финал для исповеди, но увы. Видно, он это почувствовал: в воздухе витает какое-то напряжение, когда мы рассаживаемся по местам.

— Франк, я даже не знаю, что ответить. Это настоящая трагедия, и я не представляю, как тебе хватает сил целыми днями выслушивать наше жалкое нытье — я главным образом себя имею в виду. То, что пережил ты, не идет ни в какое сравнение с тем, о чем я тут рассказывала. И мне сейчас ужас как неловко за свои никчемные проблемы нелюбимой старенькой девочки.

— Послушай, Сильви, не бывает больших и маленьких бед. Люди несчастны по разным причинам. Я научился опираться на мою беду, как на костыль. Несмотря на стыд, одиночество и непонимание, я твердо решил принять себя таким и быть счастливым. Я ведь не только сын бомжа, а еще и гомосексуалист. У меня есть друг, мы уже пятнадцать лет вместе. Не просто так я стал психологом, и мне доставляет огромное удовлетворение,

а порой даже истинное счастье выводит людей на нужный им путь. В общем, я именно так отношусь к своей работе.

Он гей. Ну конечно! Могла бы догадаться по этой его безупречной шелковистой пряди, спадающей на лоб. Вот дура-то. Наивности мне не занимать.

— Спасибо за твой рассказ. Я очень тронута. Мне сейчас трудно разобраться в себе, но, кажется, я двигаюсь в правильном направлении. Вчера, после сеанса, я была готова умереть, а потом встретила ту женщину, и она послала мне сигнал, словно маяк. Словно предупредила. Одиночество — это уродливо, грязно и грустно, от него дурно пахнет, и никто не хочет его замечать. Меня прямо током ударило, и сердце снова запустилось. Она вернула мне желание жить. А сейчас ты еще рассказал мне, что твой папа умер на улице, ты открыл мне душу, как будто мы друзья.

— Так ведь мы уже немного друзья, разве нет?

Напрасно он так смотрит, я ведь наброшусь на него и не посмотрю, что гей.

— Как зовут твоего парня?

— Эрве. Он тебе понравится, — отвечает он с улыбкой, какой я у него еще не видела.

Правильно, что в роли психотерапевта он был как каменный и не проявлял ни малейших чувств. Он подобно экрану или, вернее, зеркалу отражал мою несчастную душу. Под этой маской скрывался умный, ранимый, трогательный, любящий и благородный человек. Я и доктора в нем любила, а друга просто обожаю.

Внезапно приходит понимание, что все изменилось бесповоротно. Франк прав: Сильви Шабер мертва. Это она лежит там, в морге. Это для нее я купила сегодня одежду. Это ее скоро похороню. А кто тогда я — пока неизвестно, знаю только, что я не одинокая тетка, я здесь уже не пациентка с суицидальными наклонностями, я человек, заслуживший доверие Франка, я его друг. Да, у меня есть друзья, завистники и даже любовник. Слезы брызжут из глаз, как из бутылки шампанское. Предложение дружбы куда лучше руки и сердца, поэтому я плачу от счастья — в первый раз.

— Ну что ты! Прости, я не хотел тебя расстраивать.

Он снова обвивает меня сильными руками. Кем бы там ни был этот Эрве, ему сильно повезло.

— Знаешь что? — Я шмыгаю носом, как ребенок. — Мне бы сейчас потанцевать! И напиться вдрызг!

Такие слова никогда не прозвучали бы из уст прежней Сильви Шабер.

Он смотрит на меня с удивлением и некоторой гордостью.

— Так пошли! Твое возрождение надо отметить!

Мы залпом допиваем свои бокалы, Франк отправляет смс Эрве, гасит свет, весело хлопает дверью и ведет меня под руку в бар «Роза Бонёр»; ни разу о таком не слышала, а он там явно завсегдатай. Иду с ним, как с кавалером, и чуть не лопаюсь от гордости. Чувствую легкий голод, голова кружится, но мне изумительно хорошо и радостно на душе. Сегодня я пьяна не от алкоголя, а от самой жизни. И совершенно не задумываюсь о том, что будет дальше, я доверяю Франку.

К этому часу в метро рабочий класс уступил место праздным гулякам и шумным, восторженным туристам. Жеманные девицы в сексуальных колготках гордо выставляют ноги всем напоказ. Зовущие улыбки, смех, окрики и даже песни. Жизнь. Словно никто вчера не умер. Я вспоминаю свои зимние вечера: тарелка растворимого супа, разогретая в микроволновке, вмиг проглоченный в постели йогурт, давящая тишина, снотворное — и спать. А сейчас гляжу вокруг, очарованная этой горластой фауной. Я сама как турист в краю счастья. Франк весело косится на меня. Я иду за ним. На выходе из метро ему звонит Эрве.

— Мы на подходе! Выпить нам закажи.

— Шампанского! — кричу я в эйфории, будто дружу с ними обоими уже сто лет.

Парк Бют-Шомон тонет во тьме. Нас накрывает влажным туманом, я дрожу и улыбаюсь, стуча зубами. До чего же чудесно вдруг оказаться тут вместе с ним! Франк подает мне крепкую широкую руку, и я чувствую себя чуть ли не принцессой.

— Скоро уже придем, там очень мило, увидишь сама!

Чуть ниже по дороге я различаю красные и оранжевые огни вокруг большого дома. Это все равно что обнаружить жилую хижину в лесной чаще, найти счастливый приют. Под фонарями болтают и обнимаются парочки. Слышится смех, зажженные сигареты сверкают в ночи, подобно светлячкам. Я открываю для себя новый мир, мир дружбы. Звучит музыка в стиле диско, снаружи она кажется тихой, внутри — оглушительной. С непривычки к таким децибелам я зажимаю руками уши и замуриваю глаза, а сама смеюсь от радости, приветствуя весь этот гам. «Роза Бонёр» забита до отказа, вокруг меня танцуют впритирку, поют, хохочут, вопят, целуются, обжимаются, пьют, чокаются, трясутся и толкаются. Франк то и дело машет знакомым, некоторые подходят поцеловать его в щеку, и не только женщины. Здесь много целующихся мужчин. На территории Франка у любви нет границ. К нам вразвалку идет брюнет лет сорока,

размахивая бутылкой шампанского. Он обнимает Франка и целует в губы. Я невольно отодвигаюсь: меня смущает столь открытое проявление чувств. Еще несколько часов назад Франк олицетворял для меня благоразумие и мудрость. Я не знала о нем ничего, а он обо мне все знал. Он казался мне всеведущим небожителем, и вот передо мной человек из плоти и крови, который дарит и принимает любовь. Это поразительно.

— Эрве, познакомься, это Сильви. Сильви, это Эрве.

В его глазах гордость и обожание, Франк откровенно счастлив видеть своего друга. Эрве такой же холеный, как он: красивая небесно-голубая рубашка подчеркивает спортивный торс, роскошные кудрявые волосы растрепались, но не больше, чем нужно. Невероятно хорош. Я даже не знала, что гомосексуалисты бывают такими мужественными. Во всяком случае, я их не так себе представляла.

— Очень рад, Сильви! Ну-ка, стой, не шевелись!

Он, словно духами, сбрызгивает меня шампанским за каждым ухом. Мне щекотно, но это лучшее в мире крещение.

— На счастье! — кричит он сквозь общий шум.

Я улыбаюсь, беру бутылку и пью прямо из горлышка. Моя выходка встречена одобрительным смехом.

— Пошли танцевать!

И вот они уже раскачиваются в обнимку. Я снова радуюсь, что он открылся мне как человек, человек-праздник. Счастливыми глазами оглядываюсь вокруг. Здесь хорошо, в этой жаркой толпе, здесь никого не осуждают, здесь рады всем. Хорошо бы сюда привести Вероник, ей тут самое место. И Эрика тоже, разумеется. Хорошо бы он сейчас был со мной, мы бы прижались друг к другу и тоже качались в такт музыке, хотя я танцую, как бревно. Разомлев от тепла и шампанского, отправляю ему смс.

«Когда увидимся?»

Сразу же приходит ответ:

«Завтра вечером?»

Я хочу ответить «Почему не сейчас?», но какая-то невидимая рука меня удерживает. Нет, не буду торопиться, буду смаковать это ощущение: где-то там, в огромном Париже, один мужчина думает обо мне, хочет видеть меня, Сильви Шабер, меня, сутулую дылду.

«Отлично, до завтра!» — пишу я ему и делаю еще глоток шампанского.

Купаясь в мягких волнах счастья, вдруг вспоминаю женщину, которая ждет меня в холодильной камере больницы Сен-Луи, и пью за нее в знак моей признательности. Это благодаря ей сейчас я здесь, в тепле, в «Розе Бонёр», в окружении веселых людей. Это благодаря ей я живу на свете.

Рак-отшельник нашел себе новый дом. Я и не подозревала, что могу испытывать такую жажду жизни. Мое сердце бьется в ритме басов. Сегодня впервые могу с уверенностью сказать, что я не чужая на этом празднике.

Утром голова у меня поразительно светлая для человека, который накануне выдул бутылку шампанского и еще два-три коктейля в придачу. Одеваясь, я чувствую небывалую решимость и звоню Лоре — предупредить, что опять опоздаю.

— Лора, это Сильви, я уже еду, не могла бы ты сказать Пьеру, что мне срочно нужно с ним увидеться, как только я приду, прямо срочно!

— Хорошо, но я надеюсь, ничего страшного не случилось?

— Нет, страшного ничего, но ты подчеркни, что это срочно.

Пьер наверняка будет удивлен столь необычным требованием. Я его никогда не беспокою. Мы редко разговариваем, он моей работой доволен, о чем неизменно сообщает на итоговом собрании в конце года, и нам этого достаточно. Пьер хороший руководитель — как отец, который издалека наблюдает за своими растущими детьми. Он ценит сотрудников, вроде меня, лишенных личной жизни и готовых посвятить себя делу целиком. Боюсь, мое заявление может его шокировать.

Лора встречает меня в офисе, сгорая от любопытства. Хотела бы она понять, что нынче творится в моей голове. Я за много лет не привлекала столько внимания, как за последние недели. Нелли и Корин до сих пор судачат у кофейного автомата. Я вихрем пролетаю мимо них.

— Привет, Лора, Пьер меня ждет?

— Ну да, я передала, что ты хочешь с ним поговорить, а он просил тебя заходить в любое время. Кофе хочешь?

— Нет, спасибо, — бросаю я, твердым шагом направляясь к кабинету Пьера.

Стучу в дверь и невольно улыбаюсь, что, естественно, замечает Лора, которая не спускает с меня глаз. Скоро я стану ее любимой темой для сплетен.

— Войдите!

Открываю дверь.

— Здравствуй, Сильви, как дела? Лора сказала, что ты хотела меня видеть.

— Да, Пьер, добрый день.

Я сажусь, не дожидаясь его приглашения. Вижу, он слегка озадачен такой переменой во мне. Как из ниоткуда родилась жизненная сила, я перешла из пассива в актив.

— Ах да, садись, садись, конечно. Все в порядке? Прости, я все не успевал спросить, как ты, а надо было, я же знал, что тебе нелегко после смерти отца. Вы были с ним очень близки, правда?

Наш главный юрист неплохой человек. Может быть иногда любезным. И вообще, круглые толстячки у всех вызывают симпатию. А ведь если подумать, он был для меня вторым отцом, чье одобрение я старалась заслужить неустанной работой.

— Спасибо, что спросил, Пьер, но я по другому поводу. Я пришла подать заявление, хочу до конца месяца уволиться с работы.

Пьер тут же забывает о добродушии, хмурит брови и трясет обвислыми щеками.

— А что вообще случилось, Сильви? Не понимаю.

— Ничего не случилось, или, вернее, случилось много чего, потому и увольняюсь. Заявление пришлю тебе по всей форме, заказным письмом, через несколько дней, но я решила сначала предупредить тебя лично, из вежливости.

Он смотрит на меня и все еще не понимает. Снимает очки, трет веки, надевает очки — нет, я по-прежнему здесь и по-прежнему увольняюсь. И улыбаюсь, не отводя глаз.

— Да что не так-то? У тебя проблемы? Ты вполне можешь взять отпуск по болезни, я пойму. После смерти отца это нормально. Разумеется, тебе нужно время, чтобы справиться с горем.

Еще несколько дней назад меня бы глубоко тронула его забота, пусть и запоздалая. Но теперь уже обойдусь.

— У меня все хорошо, Пьер, спасибо тебе, это раньше я была больна, а сейчас я в отличной форме! Мне нужен отпуск не по болезни, а просто отпуск, навсегда. Мне нужна свобода. Я все эти годы много работала и хочу теперь жить для себя. Хочу жить, вот и все.

— Конечно, Сильви, тебя можно понять. А ты не хочешь сходить пока в отпуск, а по возвращении вернуться к этому разговору? Бери хоть целый месяц и отдыхай! Мне было бы приятнее получить от тебя красивую открытку, чем заявление об уходе, ха-ха! Езжай, мы уж тут как-нибудь справимся. По-моему, неплохое предложение, что скажешь?

В его улыбке кроется тревога, кустистые брови досадливо сдвинуты.

— А знаешь, Пьер, ты прав. Вы без меня прекрасно справитесь. Так что я подам заявление прямо сегодня. Мне нужно подруге помочь, да и кучу других дел переделать — сорок пять лет прожить заново! Так что не буду терять время. До свидания, Пьер, всего тебе хорошего!

Я встаю, не слушая увещаний. Какое же это счастье — принять

верное решение! Пьер так ничего и не понял, я не дала ему ни единого шанса. Новая Сильви обгоняет даже свою тень. Выходя из офиса, я задерживаюсь у стола Лоры. По ее недоуменному взгляду можно догадаться, что хотя бы часть беседы в кабинете Пьера она сумела уловить. Официально провозглашаю для нее радостную весть.

— Я ухожу, Лора. Увольняюсь.

Она тоже теряет дар речи. Пять лет, что она была моей ассистенткой, мы жили тихо-мирно, и вдруг я все разнесла к чертовой матери. Немотивированная агрессия — если, конечно, не считать убедительной мотивацией простое желание жить, жить дальше, жить лучше. И чем дальше отсюда, тем лучше.

— Что стряслось? — лепечет она.

— Ничего, не волнуйся. Ничего дурного, наоборот. Спасибо тебе за все, Лора, за все годы, что ты была рядом, а еще за помощь и деликатность, что ты проявила в последние дни.

Она, похоже, чувствует себя виноватой в том, что подожгла этот фитиль.

— Не пугайся, ты тут ни при чем. Ты была очень добра, так меня поддержала! А я всего лишь хочу перемен.

Улыбкой пытаюсь ее успокоить и убедить, что все хорошо. Но моя улыбка пугает ее еще сильнее. Того и гляди санитаров вызовет.

— Ну ладно, удачи тебе тогда, — выдавливает она, не зная, что сказать.

— Спасибо, Лора, счастливо оставаться!

Я ухожу. На сердце легко и радостно. Уже из лифта успеваю помахать ей рукой, а Лора не спускает с меня недоверчивого взгляда. Двери закрываются, и я могу наконец рассмеяться. Потом начинаю считать в уме: квартира у меня в собственности, мне еще причитаются пятьсот тысяч евро, минус налог на наследство, итого триста тысяч. Несколько месяцев можно спокойно жить и размышлять о том, чего я вообще хочу. А пока надо забежать домой за купленными вчера вещами и отвезти их в Сен-Луи. Но прежде позвонить Вероник.

— Алло, Вероник?

— Сильви? Я тебя не узнала.

— Ты чем сегодня занята?

— Да особенно ничем. Собиралась сходить на курсы софрологии да выгулять Блэки. А что?

— Нам надо увидеться, я хочу тебя кое с кем познакомить.

— Кое с кем? С кем? С мужчиной? — пугается она.

Я улыбаюсь про себя. Ее ждет немалое потрясение.

— Нет, с женщиной.

— С женщиной? Зачем же мне знакомиться с женщиной?

— Слушай, ты приезжай через час к больнице Сен-Луи, хорошо? Только встретимся не у главного входа, а с другой стороны здания.

— Такие сложности... А ты что, не на работе?

— Нет, приезжай, я все расскажу.

— Прямо сейчас? Мне же еще Блэки выгуливать.

— Да, прямо сейчас, Блэки подождет!

Я, кажется, впервые не успеваю за временем. Раньше оно мучительно тянулось, я считала часы, как коровы на лугу в ожидании дойки следят за проходящими поездами. А сегодня сумела прыгнуть в вагон — и понеслась. Заскочив домой, хватаю фирменный пакет «Контуар де Котонье» и сразу убегаю в больницу. По дороге размышляю о сегодняшнем крутом повороте событий. Оказалось, уволиться куда проще, чем я думала. Распрощались без слез и отвалных. Хватило нескольких минут, чтобы перечеркнуть пятнадцать лет работы на фирму, которая была средоточием моей жизни. Если это жизнью можно назвать. А настоящая — вот она, рядом, тянет ко мне руки. Я долго висела в шкафу, пропитываясь нафталином и вбирая пыль, но внезапно все пуговицы оторвались, дверцы распахнулись, и я дышу, бегу, лечу. Да, лечу!

Добравшись до больницы, с нетерпением жду Вероник. Надеюсь, она не подведет меня. Вот уж кто не любит изменять своей мелкой рутине и давним привычкам, вроде прогулок в парке с Блэки; между прочим, на этого шотландского терьера смотреть страшно, а она делает вид, будто не замечает его неправильного прикуса. Мимо меня чинно дефилируют туда-сюда белые халаты, наконец я вижу Вероник, которая с трудом вылезает из такси и расплачивается. Я подаю ей знак. Судя по выражению лица, она совершенно не понимает, зачем ее сюда притащили. Подхожу, целую в щеку.

— Хорошо, что ты приехала.

— Я бы предпочла встретиться, как обычно, в «Ладюре». Ну? Теперь ты мне скажешь, что происходит?

— Пошли.

— Куда? Что нам делать в больнице?

Я беру ее за руку, затаскиваю в лифт и нажимаю кнопку подвального этажа. Вероник раздосадована, взвинчена и даже напугана слегка.

— Хочу напомнить, что палаты обычно находятся выше. Знаешь, я приехала только ради тебя, видеть не могу эти больницы!

— Мы идем в морг.

Она в ужасе смотрит на меня.

— Это еще что за новости? Ты какая-то странная сегодня...

— Это не я, это жизнь странная штука.

Мы выходим в уже знакомый мне коридор с рассеянным светом и натываемся на женщину-спаниеля. Я едва ли не бросаюсь на нее.

— Здравствуйте, на сей раз я с подругой, нам можно пройти? И еще вот, я привезла одежду.

— Прекрасно. Пойдемте, я вас провожу, у нас тут прямо толпы, что за день!

Вероник вся на нервах, но близость мертвецкой вынуждает держать себя в руках. Я пытаюсь подбодрить ее улыбкой, как успокаивают ребенка перед уколом: прививка, что я приготовила для нее, может оказаться болезненной. Мы молча следуем за нашей проводницей, пока та не останавливается у нужной двери. Я ловлю на себе тревожные взгляды Вероник.

— Проходите. — Нас пропускают внутрь.

Вероник уже бледна как смерть. Я знаю про ее клаустрофобию, но надеюсь, все обойдется. Женщина-спаниель открывает железную дверцу и медленно выдвигает полку из серебристого металла. Выезжающее из холодильной камеры тело, несомненно, производит впечатление.

— Все нормально? — осторожно спрашивает женщина, глядя на полуобморочную Вероник.

Та кивает, тяжело дыша.

— Тогда я вас оставлю, буду недалеко, а вещи перед уходом мне оставите, мы с коллегой ее оденем.

— Спасибо, — шепчу я.

Отпустив ее, беспокойно присматриваюсь к Вероник. Знаю, что слишком много беру на себя; как бы не пришлось пожалеть об этом. Но хочу, чтобы она поняла.

— Кто это? — спрашивает наконец.

— Не знаю. Мы с ней не знакомы. Просто она спасла мне жизнь.

Не понимает. Ее глаза полны слез, и я уже клянусь себя за то, что навязала ей это свидание со смертью. Пытаюсь подобрать слова, борясь со смущением. Начинаю неловко, издалека:

— Ты же знаешь Неизвестного солдата? Ну вот, а она — Неизвестная беда.

— Ничего не понимаю, — бормочет она.

У меня нет выбора, придется ей сказать.

— Вероник. Я должна тебе кое в чем признаться. Я хотела умереть. Собиралась покончить с собой в Рождество.

Глаза у нее расширяются, она подносит руку к губам, будто удерживает крик.

— Прости, я тебя обманула. Помнишь, я говорила, что на праздники собираюсь в одно райское местечко? В общем, это было в буквальном смысле. Тогда казалось, что смерть — единственно верный путь. У меня не осталось сил жить, понимаешь?

Нет, все еще не понимает. Вернее, не хочет понять.

— Мне хотелось уйти, и все. Хотелось самой написать финал своей истории. Я стала ходить к психотерапевту, он давал мне всякие дурацкие задания, и это меня отвлекало немного. Но желание умереть не проходило, пока однажды вечером в метро эта незнакомая женщина не умерла у меня на руках. Она страдала тихо, как страдают животные, она валялась в обгаженном тряпье прямо на платформе. И я вдруг увидела себя со стороны. Я словно себя в ней узнала. Это был сильный удар, он-то меня и спас. Вот потому я решила подарить ей настоящие похороны, достойные. А вскоре осознала, что вместе с этой несчастной брошенной женщиной похороню и свое одиночество.

Я говорю слишком много или слишком мало, но это неважно. Важен сам момент.

— Я привела тебя сюда, чтобы ты тоже похоронила с ней и горечь свою, и боль, и твой развод.

Вероник слушает молча, и крупные слезы на ее щеках внушают мне надежду. Что-то зашевелилось у нее в душе.

— Вероник, скажи честно, ты была счастлива с Жаном?

Она пожимает плечами.

— Вероник, Жан ушел, твой брак погиб, но ты-то жива! Ты еще молода, у тебя чудесные дети, красивый дом, сколько можно носить траур? Пора переключиться, ты заслуживаешь большего, чем любовь твоего пса.

Ловлю на себе злой взгляд сквозь слезы.

— Легко сказать, — шепчет она. — Ты не знаешь, каково прожить с человеком двадцать лет и отдать его другой. Когда она вдобавок моложе и красивее.

— Ты права. Я в самом деле не знаю, каково жить семьей. Зато я знаю, каково жить одной, а ты именно к этому идешь, Вероник. Ты просто не отдаешь себе отчета, что твоя злость и жажда мести вредят только тебе. Они тебя изолируют. Ты отгородилась от людей, от своих детей. Пока сидишь в углу и мусолишь обиду, ты никому не нужна. Одиночество — это

все равно что провалиться в расщелину: ты ранена, тебе плохо, больно, тебе нужна помощь, а никто наверху не видит и не слышит тебя. Но поверь на слово: эта яма не так глубока, как кажется.

Вероник не отвечает. Долго неотрывно смотрит на крохотное тельце женщины без возраста, и потом, к моему великому облегчению, первой нарушает тишину.

— Когда похороны? — с трудом выговаривает она.

— Хороший вопрос...

16

Мы еще немного постояли молча, всматриваясь в эту женщину, не замеченную больше никем, чтобы не забыть ее. Я оставила пакет с одеждой, как договаривались, и мы поднялись наверх — согреться среди живых.

— Поехали, это надо отметить в «Ладюре».

Она улыбнулась. Мы поймали такси.

— Знаешь что? Я, пожалуй, сдам на права.

Я удивленно вытаращилась на нее.

— Ты?

— Да, я. Надоело зависеть от других, даже отдохнуть не могу съездить нормально. Куплю машину с коробкой «автомат». Что ты на это думаешь?

Думаю, что это замечательная идея. Мы вышли из такси на бульваре Османн и побаловали себя роскошным обедом. Сеанс чревоугодия в золоченом интерьере стал истинным бальзамом для наших израненных сердец.

— И что за похороны ты ей готовишь?

— Есть большое кладбище в Тиэ, там выделена земля для таких людей, без семьи и средств. Но я хочу ее кремировать на Пер-Лашез.

— Ты же не знаешь, чего хотела она!

— Не знаю, поэтому выбрала для нее то, что мне самой по вкусу.

У Вероник округляются глаза.

— Ага! У тебя типичный перенос!

И мы разом покатались со смеху. Эта дурында вообще-то права.

— А как твоя работа? Ты взяла отгул?

— Нет, я сегодня уволилась.

Она чуть не падает.

— И сегодня у меня уже второе свидание с мужчиной.

— Так и знала! От тебя за километр мужиком несет!

Моя очередь падать. Слово «мужик» в ее устах звучит, как некий деликатес.

— Можно мне с тобой?

— Куда? — немного пугаюсь я.

— К похоронному агенту, ты сама сказала, что это и мои похороны.

Вот она уже и подкалывает меня начала, это хороший признак.

Кажется, шоковая терапия подействовала.

В похоронную контору мы входим в легком приподнятом настроении, в каком обычно гуляют по магазинам. Вероник с интересом разглядывает статуэтки и урны, выставленные на полках, словно мы зашли в антикварную лавку, например. Я оставляю ее любоваться этой красотой, а сама сажусь к столу агента. Он явно пытается восстановить мое имя в памяти.

— Добрый день, я к вам уже приходила три месяца назад насчет похорон отца и купила места на кладбище для него и для себя.

— Ах да, в самом деле! Я помню вас, заказ был довольно необычный! Мне знакомо ваше лицо, но что-то в вас изменилось, да?

Да — отношение к жизни. А вот в нем не изменилось ничего. Тот же темный костюм, те же очки в металлической оправе. Никаких броских часов, ведь порой одна кричащая деталь может вызывать у кого-нибудь неприятные ассоциации. Строгость и умеренность во плоти.

— Я хочу похоронить подругу, она сейчас в морге больницы Сен-Луи.

Он, верно, думает, что я несчастье приношу, раз вокруг меня все мрут как мухи.

— Примите мои глубокие соболезнования.

— Благодарю. В общем, это моя подруга, но я не знаю, кто она, просто возьму на себя расходы по кремации и заберу прах.

— Не на себя возьмешь, а на нас, — встречает Вероник. — Поделим пополам?

— Вероник, мы же не в ресторане!

— Брось, ты отлично поняла, о чем я. Сама сказала, что это и мои похороны тоже, и ты права, так что я хочу заплатить свою долю.

Агент переводит ошеломленный взгляд с нее на меня. Он привык иметь дело со слезами, драмами, скорбью, а перебранки из-за счета ему в новинку.

— Прошу прощения, дамы, я правильно понял, что вы хотите оплатить похороны близкой, но незнакомой подруги?

— Ну да, а разве нельзя? Она была бездомной, мы подружились незадолго до ее смерти, документов при ней не было, и чем хоронить за счет города в Тиэ, мы лучше с подругой возьмем на себя эти траты, — говорю я, взглядом призывая его к молчанию. — Мы бы хотели заказать кремацию на Пер-Лашез.

— Я присмотрела тут красивую урну, ей бы понравилась, — предлагает Вероник; ей приятно внести свою эстетическую лепту.

В общем, выступив в духе Пата и Паташона и решив финансовый

вопрос, мы покинули похоронное агентство. Я не ожидала, что Вероник так близко к сердцу примет эти похороны. Договорились встретиться через двое суток в крематории Пер-Лашез для короткой скорбной церемонии прощания, расцеловались, и я поехала домой. Можно передохнуть наконец-то. Но недолго, всего два часа: у меня же свидание с Эриком.

Долго стою под теплым душем. Мне нужно расслабиться, последние часы были чересчур насыщенными. Хорошенько намыливаю себя целиком, даже между пальцами ног. Пусть все тело благоухает. Я радостно предвкушаю встречу, хоть и немного боюсь: о чем нам беседовать? Нельзя же всякий раз исполнять номер «без трусов». Надеваю купленное по случаю красивое белье; не знаю, сколько я уже денег спустила, подведу баланс потом, когда вся эта канитель закончится. Он позвал меня в шикарный лаунж-бар отеля «Кост», прямо созданный для свиданий, однако меня пугают такие места, где за каждым столом — по звезде или топ-модели, где официантки элегантнее меня. И, главное, моложе. Фон, мягко говоря, для меня невыигрышный. Я женщина в стиле «Фланч» [4].

Стараюсь подбодрить себя, вспоминая его жаркие губы, прикипшие к моим, прикосновение его твердого пениса... Я снова изголодалась по нему. Выйдя из душа, вижу на телефоне смс от Эрика.

«Я еще на работе, может, подъеду попозже к тебе домой с пиццей?»

Гора с плеч. Женщина-Фланч и мужчина «Домино'с Пицца». Мы идеальная пара.

Час спустя он звонит в дверь.

— Добрый вечер, пиццу заказывали?

Вместе с ним врывается свежий ветерок, замерзший Эрик с красным носом выныривает из пуховика и улыбается мне. Я просто очарована: нынче со мной займется сексом разносчик пиццы.

— Прости, на работе задержался и подумал, что удобнее будет повидаться у тебя. Можно было и ко мне поехать, но мою помойку пока разберешь, еще больше времени уйдет.

— Ничего, в другой раз, — отвечаю я не без лукавства. — По правде сказать, меня это предложение только обрадовало, я, знаешь ли, не привыкла ходить в такие модные места — как-то скованно себя чувствую, даже не знаю, что туда надеть...

— Да я тоже, просто хотел перед тобой покрасоваться, под парижанина закосить.

— Так ты не из Парижа? — Как будто я не прошерстила его страницу на Фейсбуке вдоль и поперек.

— Нет, я из Бордо. Туда и вернусь при первой возможности.

Мы с аппетитом поедаем пиццу.

— Хочешь вина? Где-то у меня вроде завалилась бутылка. Надеюсь, что неплохая, хотя я не специалист... — Как будто я перед его приходом не вынесла мозг бедному сомелье в магазине. Каждый красуется по мере сил.

— А у тебя как день прошел? — спрашивает он, разрезая вторую пиццу.

Не зря я опасалась, что он задаст этот донельзя банальный вопрос. Нервно хихикаю, скрывая смущение.

— Ну, дай подумать... Я сегодня уволилась, а потом занималась похоронами подруги.

Он не доносит кусок пиццы до рта и слишком быстро сглатывает, поперхнувшись.

— Все нормально? — смеюсь я и подаю ему бокал.

К нему еще не вернулся дар речи. Он отпивает вина, чтобы освободить дыхательные пути.

— Вот интересно, после ночи любви ты плачешь, а после похорон подруги смеешься. Необычный ты человек.

— В самом деле? — Я воспринимаю это как комплимент.

И вдруг начинаю глупо, неудержимо хохотать. Остановиться невозможно, какое-то безумие. Вот же везет ему со мной!

Он смотрит на меня с беспокойной улыбкой.

— Извини, я вечно на взводе, когда ты рядом.

— Это хорошо или не очень?

— Хорошо, — шепчу я.

Вообще-то есть единственно эффективный способ успокоить мои нервы — взять меня прямо сейчас, прямо здесь, на ковре в гостиной. Что он, собственно, и делает. Мы падаем друг другу в объятия и сливаемся в поцелуе. Безумный хохот сперва переходит в тихое хихиканье, а затем в стоны.

Несколько минут спустя мы без сил лежим на диване, голые и потные. Остывшая пицца в открытых коробках уже не возбуждает аппетита. По обоюдному согласию мы перемещаемся в кровать и там, свернувшись в один клубок под одеялом, продолжаем прерванный разговор.

— Ты правда уволилась?

— Правда.

— Завидую.

— Что ж не уволишься сам?

— Не знаю, может, из-за денег? — отвечает он не без сарказма.

— А у меня денег куры не клюют, — хвастаюсь я.

— Да ну? Знаешь, ты мне нравишься. — И его ласки становятся все более настойчивыми.

— Если б ты был богат, что бы сделал? — шепчу я, лаская его в ответ.

Он тихо постанывает.

— Не знаю, посмотрел бы мир, в Непал бы съездил...

— А меня бы взял с собой?

— Конечно, тем более, если б мы поехали за твой счет.

Беседа затухает, дальше говорят лишь наши руки. После долгой спячки я никак не могу насытиться, в меня вселился бес. После мы замираем в сладком оцепенении, и я засыпаю безмятежно, как накормленный младенец. Как будто привыкла засыпать в его объятиях, как будто его запах мне знаком всю жизнь. Как будто я всегда была счастлива.

Эрик ушел ранним утром. Оставил записку, извиняясь, что не смог задержаться и помочь мне с уборкой гостиной, — можно подумать, одного человека мало, чтобы убрать две коробки из-под пиццы, два бокала из-под вина и объедки с пола. Однако такая забота меня тронула. Я собирала наш общий мусор и чувствовала, что мы делаем это вдвоем. Мысли о нем, о прошлой ночи, о наших объятиях и будущих встречах озаряли мое лицо глупой улыбкой. Он не только в тело мне проник, но и в сердце, в душу.

Что, вот это и есть любовь?

Если он рядом, даже когда его нет?

Если ты теперь не одинока?

Церемония была торжественной и строгой. Мы решили обойтись без музыки — нашей покойнице больше подходили отрешенность и тишина. Вероник была очень тронута. Она много плакала, успевая при этом с любопытством поглядывать на Франка, а тот ее взглядов будто бы не замечал. Он был, как всегда, красив и безупречен, но я прямо видела щемящую грусть в его сердце. Сама я тоже, конечно, плакала от переполнявших меня эмоций, хоть и понимала, что худшее для этой женщины позади. Я никогда не узнаю, как ее звали, только лицо останется в памяти. Я не узнаю, что ее подкосило, сломило, опрокинуло и утянуло на такое глубокое страшное дно. Может, развод, беспросветная безработица, жестокий муж, родители-тираны, трудное детство или потеря ребенка, от которой невозможно оправиться. Можно вообразить массу историй, одна печальнее другой — все равно это лишь догадки, не более. Не уверена, что на небе живет Бог, но в аду она точно уже побывала. Пусть ей будет хорошо там, где она сейчас. Медленно и беззвучно гроб поехал по ленте к печному отверстию. Вскоре он исчез там целиком, и мы вышли, ощущая комок в горле.

Полчаса спустя мне передали урну в коробке. Она была горячая, словно грелка с кипятком. Мы с Вероник договорились, что прах я развею потом, в Непале или где-нибудь еще — подальше от удушливой и затхлой станции метро «Парментье». Урна побудет у нее, пока мы с Эриком планируем путешествие.

А свою смерть я уже не хочу планировать. Мне достаточно просто знать, что она придет. Завтра, через месяц или десять лет, какая разница. Пусть это будет сюрприз. Надеюсь, приятный.

Примечания

1

Общество охраны морской фауны (*Sea Shepherd Conservation Society*).

2

Неформальное название журнала «Psychologie» — «Психология» (*фр.*).

3

Английская аббревиатура, используется в рамках неформального общения в социальных сетях и расшифровывается как *laughing out loud* («смеюсь во все горло») (*англ.*).

4

«Фланч» — французская сеть ресторанов с системой самообслуживания.